Отпущение грехов

Автор:
Михаил Серегин

Отпущение грехов

Михаил Георгиевич Серегин

Праведник #4

На этот раз спецназовец Шатунов, ушедший от мира и ставший священником, вступает в схватку с губернатором и его окружением. В конфликт вовлекаются все новые силы, теперь отцу Василию нужно разбираться еще и с торговцами оружием и живым товаром. Борьба идет не на жизнь, а на смерть, но добро, как всегда, должно победить.

Михаил Серегин

Отпущение грехов

Часть первая

Отец Василий пришпорил Стрелку и выехал на косогор. Отсюда Волга вся была как на ладони. Серая весенняя вода отражала желтое ленивое солнце, деревья были подернуты легкой изумрудной дымкой проклюнувшейся на днях листвы, а далеко на том берегу виднелись крыши и дымы Семеновки. Священник сладко потянулся, ему было хорошо.

Вообще все в последнее время шло как нельзя лучше. Покровительствующий городку святой Угодник Николай, видно, услышал Ольгины молитвы, и жизнь в

Усть-Кудеяре, а значит, и семейная жизнь отца Василия, помаленьку наладилась. Далеко в прошлом остались и недоразумения с властью, и острая конкуренция за души прихожан с очередной сектой… Теперь и пожертвований на храм было более чем достаточно.

Но главное, теперь, когда родившийся в первый день Масленицы маленький Мишка подрос, а у самой Олюшки все наладилось, отца Василия подпустили к себе…

– Красотки, красотки, красотки ка-ба-ре! – счастливо мурлыкнул он и, тут же устыдившись, огляделся по сторонам – не слышит ли кто.

Но вокруг никого не было, лишь гроздьями облепили тонкие ивовые ветки обалдело орущие воробьи да настороженно оглядывались по сторонам отощавшие после зимы облезлые сурки. Отец Василий ласково хлопнул кобылу по крупу, и она, так же как и хозяин, пьяная от сладчайшего весеннего духа, расслабленно перебирая ногами, медленно побрела вниз к реке.

– Вы созданы лишь для развле-чень-я-а… – не удержавшись, опять мурлыкнул священник.

– А-а-а!!! – вдруг услышал он пронзительный женский визг. – Не нада-а! Коля!!!

Священник растерянно огляделся по сторонам. Визг шел из прибрежного ивняка. Стрелка тревожно всхрапнула, и отец Василий, решительно пришпорив ее, помчался на голос. «Снова молодняк озорует! – недовольно думал он. – Придурки, блин! Вот я вам покажу!» Он знал, что именно в этих местах и происходили по весне всяческие ЧП, а в результате раз в два-три года районный суд обязательно кого-нибудь сажал по самой позорной статье Уголовного кодекса.

Стрелка пробила грудью плотные тугие заросли и вынесла его на поляну. Здесь, у самой воды, стояла дорогая, сверкающая никелем темно-фиолетовая машина, а рядом было разостлано одеяло, возле которого, непрерывно визжа, перебирала ногами абсолютно голая блондинка.

– А-а-а!!! Коля!!! Что вы делаете?!

А за машиной, прямо на кромке воды, отчаянно махался тоже голый, но по пояс, крепкий мужик – видимо, тот самый Коля.

Противников было четверо, все – рослые, крепкие парни. «Не местные!» – удивился священник и поспешил на выручку.

– А ну в сторону! – гаркнул он и направил кобылу в самую гущу свалки. – Хватит, я сказал!

– Иди отсюда, дед! – рявкнул один, а остальные, словно и не слышали, продолжали молотить Колю толстенными обрезками труб.

Мужик оборонялся умело, но уворачиваться от всех четверых не успевал, отчего периодически слышался зловещий хруст, а Коля натужно хэкал, приседал и отступал еще дальше.

– А-а-а!!! – беспрерывно визжала женщина.

Священник пришпорил Стрелку, но кобыла давить людей не хотела и, всхрапнув, попятилась назад. «Ну ладно, – решил он. – Раз так, я и слезть могу». Отец Василий спрыгнул и деловито врезался в толпу.

– Хватит, я сказал! – он вырвал трубу из рук ближнего парня и зашвырнул в реку. – Или не слышали?!

– Вали отсюда, дед! – развернулся к нему лицом главарь.

Коля, сообразив, что у него появился шанс, шатаясь и пачкая своей кровью стекло и никель, бросился к водительской дверце. Парни вмиг забыли про отца Василия и дружно кинулись вслед.

– Ну что ты скажешь! – возмутился священник и, схватив одного за ворот, отбросил его в сторону.

– Коля!!! – взвизгнула блондинка. – Ой, не надо, Коля!

Отец Василий глянул на Колю. Тот стоял у машины, выставив перед собой огромный, блестящий, словно срисованный с голливудского фильма пистолет.

– Стоять! – хрипло распорядился он.

Время словно остановилось. Агрессоры застыли в тех самых позах, в которых их и застало неожиданное изменение в расстановке сил.

– Коля! – уже спокойнее всхлипнула блондинка.

– Не надо, Коля, – попросил священник. – Не стреляй.

Коля бросил в сторону отца Василия быстрый взгляд, но этого хватило, чтобы парни вышли из ступора и дружно, всей ватагой кинулись в хрустящие ивовые заросли. Раздался выстрел, второй, но руки у Коли тряслись, и священник даже присел за машину, чтобы его случайно не зацепило.

– Хватит, Коля! – крикнул он из-за машины. – Хорош палить! Все кончено!

Наступила тишина.

Священник осторожно выглянул из-за машины. Коля так и стоял у распахнутой водительской дверцы с огромным пистолетом в руках, а блондинка, хлюпая носом, пыталась прижать его разбитую голову к своей роскошной груди.

– Оденься, дура, – устало отодвинулся Коля.

Блондинка метнула в священника быстрый, немного испуганный взгляд, смутилась и исчезла.

– Спасибо, братишка, – кивнул Коля отцу Василию. – Уберег от греха…

– Работа у меня такая, – улыбнулся священник.

Коля удивился. Некоторое время он так и стоял, пытаясь сообразить, что значат эти слова, и вдруг широко улыбнулся разбитым ртом.

– Надо же! Ты же поп местный! Точно?!

Отец Василий кивнул. Это было странно, но теперь и ему стало казаться, что он узнает своего собеседника.

– А я, блин, подумал, пастух! Твоя, что ли, лошадка?

– Ага, – священник никак не мог вспомнить, где он видел этого человека.

Блондинка уже натянула через голову розовое, с глупыми бретельками, похожее на комбинацию платье и доставала из салона аптечку.

– Давай, Коль, я тебя промокну…

– Себя промокни, – презрительно усмехнулся Коля и, забрав аптечку, принялся деловито обрабатывать раны. – Благодарю тебя, отец, что подпрягся. Я уж типа думал, замесят меня эти бакланы. Ну, ничего, мир тесен, они мне еще ответят. Конкретно. За все.

И тут отец Василий вспомнил.

– Вы ведь Щеглов? Я не ошибся? Николай Иванович…

– Точно! – улыбнулся кандидат в областную Думу от Усть-Кудеярского избирательного округа. – Николай Иванович Щеглов собственной персоной.

Отец Василий сокрушенно покачал головой. Теперь он уже не понимал, как это сразу не сообразил, с кем имеет дело. Эта предвыборная история успела порядком наделать шуму.

Частный предприниматель Николай Иванович Щеглов, а в просторечии Колян Щегол, шел в Думу, как в задачнике по физике, равномерно и прямолинейно. И все говорило о том, что он там будет. По крайней мере широкие народные массы ни в малой мере не смущали ни явная образовательная недостаточность кандидата, ни его темненькое прошлое. Щегловское пиво окупало все.

Один бог знает, как это могло произойти, но пару лет назад Колян стал владельцем контрольного пакета акций местного пивзавода и после непродолжительной и ожесточенной схватки с прежним руководством вышел в директора. Первым следствием столь радикальной смены власти стал выпуск пива «Щегловское».

Над этикеткой этого пива ржали все. Изображенный на ней благообразный, почти пасторальный Колян Щегол походил на самого себя, как Анка на Чапая. И это вызвало в народе такую массу баек и анекдотов, что директор местного пивзавода в считанные недели стал настоящей знаменитостью. Затем усть-кудеярскому пиву снова вернули историческое название, но дело было сделано, и отныне иначе, как «Щегловским», самое дешевое пиво города никто не называл.

И едва на заборах появились плакаты с изображением все того же пасторального, елейного лика, город снова ухватился за животы, а исход предвыборной схватки был предрешен. С этой колоритной личностью скучные, напряженные физиономии остальных претендентов и близко сравняться не могли. Тем более что область воспринималась в райцентре почти как Москва или даже Кремль – далеко, высоко и чужеродно. Они сами по себе, а мы сами…

Так что, хотя никто особенных надежд на политические таланты господина Щеглова не возлагал, общественное мнение легко склонялось в его пользу. Пусть лучше Колян проходит, хоть посмеяться будет над чем.

И вот надо же, в каких обстоятельствах повстречался отцу Василию директор пивзавода.

– Ладно, батюшка, будете в области, заходите в Думу, – прервал воспоминания священника Колян. – Коньячком угощу.

Отец Василий хохотнул и одним махом взлетел на успокоившуюся Стрелку.

– Ловлю на слове, – кивнул он, глядя с высоты своего положения на будущего депутата и его бело-розовую, как пряничный ангелочек, подругу. – Коньяк за вами.

* * *

Домой отец Василий добрался еще засветло. Олюшка развешивала во дворе белье.

– Нагулялись? – улыбнулась она.

– Вволю! – засмеялся отец Василий, спрыгнул со Стрелки и подошел, чтобы прижать к себе теплое, сдобное, пахнущее молоком и домашним уютом тело супруги.

– Сначала в душ! – свирепо сдвинула Олюшка брови и не выдержала – рассмеялась. – Я скоро вас обоих на порог пускать не буду, потом воняет, как от… – она никак не могла подобрать нужного слова.

– Это запах жизни, – удовлетворенно выдохнул отец Василий и повел Стрелку в конюшню – поить.

* * *

Следующие два дня отец Василий только тем и занимался, что ходил по инстанциям. Но это были приятные хлопоты. Впервые за много месяцев священник всерьез принялся решать «земельный вопрос».

Так вышло, что площадка при храме совершенно стихийно стала местом сбора самых активных прихожан. А что здесь творилось в праздники, и пересказать невозможно – толчея, сутолока, гомон… И это при том, что буквально за оградой храма стояли полтора десятка сляпанных из отслуживших свое пластинчатых батарей и ворованного гофрированного железа гаражей. Само собой, документов на землю здесь ни у кого не имелось, и убрать незаконные строения, дабы перенести храмовую ограду на добрый десяток метров и расширить территорию, что называется, сам бог велел.

Конечно же, владельцы гаражей сопротивлялись, но отец Василий переговорил с архитектором, а затем и главой района Медведевым, добился решения об отводе земель и к этому времени «отселил» почти всех самовольных застройщиков. Теперь на свежеприобретенной прихрамовой территории

оставались только самые настырные – отец и сын Самохваловы. Мужики ерепенились, грозили набить крановщику морду и вывозить свои ветхие гаражи на окраину города не позволяли. В такой ситуации без помощи если не лично начальника местной милиции Скобцова, то по меньшей мере участкового было не обойтись.

На этом этапе все и застряло. Скобцов бегал от священника, категорически не желая ввязываться в это скандальное и неблагодарное дело, а Медведев только разводил руками.

– Мое решение у вас на руках, отец Василий, – говорил он. – А остальное – ваша забота. У меня вон выборы идут, некогда вашими гаражами заниматься… Не приведи бог, этот Щеглов в областную Думу пройдет, губернатор семь шкур снимет, мало никому не покажется!

Так все и шло. Утром служба, в обед – администрация, затем очередная «игра в прятки» с начальником усть-кудеярской милиции, затем часик легкой дремы перед телевизором, где как раз сообщалось о прорыве господина Щеглова в областную Думу, и снова служба – на этот раз вечерняя.

А потом наступил этот день.

Как всегда после утрени, отец Василий заглянул в приемную главы районной администрации, и уже по глазам секретарши понял: случилось нечто.

– Вы к Николаю Ивановичу? – хлопнула покрасневшими веками секретарша и шмыгнула носом. – Проходите, а то он в область уезжает, можете потом не застать.

– Спасибо, Наталья Серафимовна, – удивленно кивнул в ответ на столь необъяснимую покладистость священник и не преминул воспользоваться предложением.

Николай Иванович сидел в полном одиночестве, без галстука и смотрел по телевизору футбольный матч.

Сколько священник помнил, этот телевизор включали дважды, и то лишь по самым серьезным поводам. Матч таким поводом быть не мог. Он кашлянул и подошел ближе.

– Николай Иванович, – позвал он. – Я к вам…

Медведев нехотя оторвался от экрана и почесал подбородок.

– Уже не ко мне, батюшка, – с каким-то деревянным, неживым спокойствием произнес он. – Я здесь больше не работаю.

– То есть?

– Все вопросы – к моему преемнику, господину Щеглову…

Отец Василий захлопал веками не хуже той секретарши.

– Чего-о?!

– Того. Сняли меня, батюшка, сняли…

– А при чем здесь Щеглов?

– Губернатор назначил.

Священник сообразил, что это не сон и не галлюцинация. Медведев был реальный, осязаемый и явно отвечал за свои слова.

– Зачем? – прошептал он. – Зачем губернатору это надо?

– Без комментариев, батюшка, без комментариев… Будете футбол смотреть? Интересный матч…

– Спасибо, некогда, – растерянно отказался священник и вывалился за дверь.

* * *

К вечеру новость захватила весь городок. И понятно, что мнения разделились и каждый оценивал происшедшие административные передвижки по-своему.

– И правильно, что Медведева сняли! – надрывались одни. – Во как все натерпелись от этого самодура! Что ни попросишь, все не положено! А дочкам своим уже третий коттедж достраивает, и не где-нибудь, а в областном центре, в самом престижном районе!

– Ду-у-рак ты! Прости, господи… – парировали другие. – Медведева, видите ли, сняли! Чему радуешься? Думаешь, этот новый, будет за нас ж… драть? Ага! Щ-щас! Разбежался!

– Парфена убили; думали, вздохнем, – вспоминали былого предводителя местных бандитов третьи. – Так нам теперь этого козла подсунули, да еще на самый верх! Снова придется за каждый шаг свои кровные отстегивать… – То, что Щеглов имеет какое-то отношение к братве, секретом ни для кого не являлось.

Начальники отделов и служб ходили как в воду опущенные. И одно дело, что Щеглов, судя по всей его предыдущей биографии, – дурак; не в том беда – ходили они и под дураками, годами ходили, и никто от этого не помер… Положа руку на сердце, и Медведева светочем разума не назовешь, а ничего, работали.

Главная беда была в том, что Щеглов – чужак. Этот недоучившийся пивовар не имел ни малейшего представления о том, как работает тяжелая и сверхсложная государственная машина. И что могло заставить губернатора назначить в район столь откровенно неподготовленного человека, человека из другого мира, просто человека иной судьбы, никто объяснить не брался.

И только старинный друг священника, главврач районной больницы Константин Иванович, немного прояснил отцу Василию общую ситуацию.

– О-о, Мишаня! – назвал он священника мирским именем. – Губернатор знает, что делает. Щеглов – мужик хоть и недалекий, но энергичный. И главное, почти неуправляемый. Пустишь на самотек, через полгодика целую фракцию вокруг себя сколотит. Ты, Мишаня, сам рассуди, на фига губернатору лишние хлопоты? Да еще в такой ответственный исторический момент…

– А в районе, значит, пивовара иметь – это, по-твоему, не хлопоты? – поднял брови священник.

– Это ненадолго, – усмехнулся мудрый Константин Иванович. – До первого ЧП. Помяни мое слово. Это в Думе Щеглов неприкосновенен. А здесь ему стоит один раз облажаться, и попросят как миленького. Честно говоря, я даже не понимаю, как это Щеглов на такое подписался.

– А Усть-Кудеяр-то при чем, Костя? – покачал головой отец Василий. – Мы-то в чем провинились, чтобы день и ночь какого-нибудь ЧП ждать?

Главврач лишь печально улыбнулся.

Но ни тот, ни другой не знали, сколь мало времени потребуется, чтобы предреченное главным врачом районной больницы ЧП случилось.

* * *

Отец Василий вышел из Костиного кабинета, оглядел уже начавшее приобретать фиолетовый сумеречный цвет небо, с наслаждением вдохнул прохладный весенний воздух, медленным, прогулочным шагом продефилировал сквозь больничный парк и, вопреки обыкновению, решил пройти к своему дому через центр.

Он шел и пытался придумать, что теперь делать с гаражами у самой церковной ограды. То, что к новому главе администрации в ближайшее время не прорваться, было понятно. А у Скобцова и прежде острого желания ввязываться в историю с принудительным переносом не наблюдалось и теперь вряд ли появится. Воззвать к совести гаражевладельцев? Наверное, можно. Подключить прихожан? Тоже неплохо. Хотя кто-кто, а уж отец Василий знал, чем закончится такое «подключение» – мордобоем. Такова уж местная традиция.

Завизжали тормоза, священник отпрыгнул в сторону, а прямо перед ним резко затормозила битая «Тойота» без номеров.

Отец Василий стремительно огляделся по сторонам. Чуть дальше, у входа в банк, стояла бронированная инкассаторская машина, а из дверей финансового учреждения выходил и сам инкассатор с брезентовым мешком в руке. Все было до предела ясно.

Дверцы «Тойоты» распахнулись, и оттуда выскочили двое. Крепкие, одетые в камуфляж парни. На лицах – черные вязаные маски, в руках «АКСы».

Священник скользнул глазами по машине и сразу же – по инкассатору. Тот все еще стоял прямо посреди лестницы, растерянно лупая глазами.

– Беги!!! – заорал священник и тут же метнулся к бетонной тумбе.

Брызги бетона полетели в разные стороны, реакция у парней была отменная, и стреляли они хорошо.

– Беги, дурак! – снова крикнул священник и выглянул.

Инкассатор, как-то неуверенно перебирая ногами, бежал к машине. А надо было в банк – ближе! В два раза ближе…

Раздалась очередь. Парень упал.

Священник не стал терять времени. Улица была пуста – это он помнил. Ни ментов, ни военного патруля. Приседая и прячась за высоким каменным обрамлением клумбы, он помчался к ближайшему телефону, искренне надеясь, что в банке уже подняли тревогу.

Но уже через несколько шагов отец Василий остановился. Сзади, одна за другой, раздались четыре очереди подряд. Он оглянулся.

Прямо на него, с выпученными от ужаса глазами, несся милиционер из службы охраны. По нему и стреляли.

– Сюда! – махнул священник, но тот не слышал.

Протарахтела еще одна очередь, парнишка дернулся и покатился прямо к его ногам.

– От блин! – охнул отец Василий, и не потому, что так уж расстроился из-за еще одной напрасной смерти – некогда было расстраиваться. Просто прямо в его грудь смотрел ствол.

Только что убивший милиционера налетчик остановился метрах в шести-семи от священника и теперь определенно решал, стрелять или нет. Отец Василий посмотрел в его напряженные, быстро двигающиеся в прорези маски глаза, но не прочел ничего человеческого – ни жалости, ни страха.

Священник замер. Он знал, что сбежать уже не успеет. Оставалось только смотреть в эти глаза и молиться.

Глаза налетчика остановились. Он развернулся и легкой трусцой побежал к «Тойоте». Он бежал так спокойно и самоуверенно, словно на десять километров вокруг не было ни одного человека, способного ему помешать.

Священник испытал бурный прилив ярости, но справился с ней и стремительно бросился к милиционеру. Наклонился над ним и понял, что ничего сделать не может – пуля перебила позвоночник чуть выше лопаток.

Впереди дважды хлопнули дверцы, и «Тойота» исчезла в сумерках.

Отец Василий бросился к инкассатору, но тот выглядел еще хуже – его буквально изрешетили очередями.

* * *

Милиция появилась минуты через две. Отец Василий тут же начал давать показания, детально восстанавливая в памяти все, самые незначительные детали. Но чем больше он говорил, тем лучше понимал, что это – не просто ограбление.

Уже сейчас было ясно, что денег они взяли – кот наплакал. Не стоили эти деньги ни такого риска, ни даже такого уровня подготовки. Кроме того, убийство

милиционера, совершенно сломленного страхом и желавшего только одного – жить, было почти демонстративным. Особенно если учесть, что от банка до РОВД было ровно четыре квартала. Это был вызов, наглый и самоуверенный.

* * *

На следующий день весь городок только и говорил, что об этом ограблении. Всеобщее мнение было почти единодушным – дожили! И почти каждый прибавлял: «При Медведеве такого беспредела не было!» И только главврач районной больницы со значением посмотрел отцу Василию в глаза, словно говоря: «Что и требовалось доказать».

Менты подняли на ноги всю область, но, как по секрету сказал отцу Василию знакомый лейтенант, налетчики словно испарились, и ни оперативно-розыскная работа, ни агентурная ничего, в сущности, не дали. Ни «Тойоты» такой никто не знал, ни такого почерка…

Приближенные к местным верхам круги говорили, что новый хозяин района дал начальнику милиции на розыски три дня, а кое-кто из области рассказал священнику, что все это лишь потому, что губернатор дал самому главе администрации неделю. И то и другое было похоже на правду и очень хорошо подтверждало догадку главврача районной больницы.

Но и через три дня никого, разумеется, не нашли, и кое-кто начал поговаривать, что Скобцов с новым главой не сработается. Даром что это его первый подобный прокол. А на четвертый день все снова переменилось.

* * *

Диакон Алексий прибежал в храмовую бухгалтерию и, задыхаясь, повалился на стул.

– Ваше благословение!.. Это!.. Налетчики!.. Того!..

– Успокойся, Алексий, – попытался вразумить своего помощника священник. – Продышись… Вот так… И спокойно расскажи. Что там стряслось?

– Налетчика убили! – выдохнул диакон.

– Кто?! Менты?

– Вряд ли, – сглотнул диакон. – Не по-ментовски сделано.

– А что, собственно, сделано? – заинтересовался священник и присел рядом. – Ну-ка, рассказывай…

Диакон зачерпнул из бачка целую кружку воды, выпил и немного успокоился. Но то, что он поведал, привело отца Василия в такое волнение, что он и сам вскочил и забегал из угла в угол.

Рассказанное и впрямь впечатляло. Рано утром, что-то около пяти, возле того самого банка остановилась машина. Но ни номеров охранник не разглядел, ни марки не запомнил. Потому что уже в следующие пару секунд мчался поднимать тревогу.

Как рассказал он позже, из машины выскочили два одетых в камуфляж мужика – точно так же, как в прошлый раз. Было от чего передрейфить. Но, когда через минуту с небольшим к банку подъехал патруль, никого уже не было, и только на ступенях, почти в той же позе, что и убитый инкассатор, лежал труп молодого, одетого точно в такой же камуфляж, изрешеченного автоматными пулями мужчины. А рядом с ним валялась нетронутая брезентовая инкассаторская сумка.

Но настоящий шок патрульные испытали, когда обнаружили, что чуть поодаль, там, где четыре дня назад лежал молодой милиционер, так же, на животе, раскинув руки, лежит второй труп в камуфляже.

Страшную новость попытались скрыть. Как выяснилось позже, Скобцов провел на этот счет жесточайший инструктаж, но болтунов оказалось слишком много, и к обеду все знали всё.

Оставленный кем-то намек был прост, понятен и страшен – смерть за смерть. Менты сразу же попытались установить личности убитых, но, как рассказал главврачу его бывший сокурсник, ныне заведующий областной

судмедэкспертизой, лица обоих оказались буквально размозжены, а некоторых костных фрагментов попросту не хватало.

Скобцов, понятное дело, задержал всех родственников погибших охранника и инкассатора. Впрочем, женщин вскоре отпустили, но и мужики стояли насмерть. Не мы, и все тут! Хоть режьте, хоть на хлеб намазывайте! И вскоре начальник усть-кудеярской милиции был вынужден признать – это не месть родни. Но тогда чья?! Ответа не знал никто.

И лишь одно было совершенно ясно. Кто бы ни были эти «мстители», у них есть источники информации в ментовке. Так продублировать все малейшие детали мог только тот, кто совершенно точно знал все обстоятельства происшествия.

* * *

Вот в такой, нервной, совершенно нерабочей атмосфере новый глава районной администрации Николай Иванович Щеглов и собирал городской актив. Он не стал изобретать велосипед и просто продублировал стандартные, оставленные его предшественником списки приглашенных, и когда отцу Василию позвонил бывший помощник Медведева и привычным набором фраз известил о завтрашнем активе, священник немало удивился. Сохранять традиции, а тем более помощников своих предшественников было не в правилах местного начальства. Обычно под корень выжигалось все, что могло напомнить о прежнем руководстве. Так, чтобы люди поняли – новый шеф воцарился всерьез и надолго.

Отец Василий по возможности искренне поблагодарил уцелевшего на своем рабочем месте помощника главы, а наутро, скомкав службу и отправив по домам пришедших на причастие, заторопился в здание администрации.

Здесь, несмотря на ранний час, были почти все: пожарные, менты, финансисты, банкиры, директора… Актив нервно теребил в руках сигареты, шутил по поводу полного совпадения имени и отчества старого и нового шефов, но все шутки выглядели какими-то натянутыми. Когда пришла пора идти в конференц-зал, старый пропитой начальник УКСа зло усмехулся:

– Раньше под Медведем ходили, а теперь под Щеглом.

* * *

Через четверть часа огромный конференц-зал оказался набит битком, и тем, кто опоздал, пришлось идти за стульями, чтобы не стоять сиротами казанскими вдоль стенок.

Отец Василий отыскал в зале Костю и подсел рядом.

– Что скажешь?

– Больничка-то моя на волоске висит, – печально вздохнул Костя. – С Медведевым я нормально работал, а как себя этот поведет, пока неизвестно…

Они перекинулись еще парой фраз, и через несколько минут напряженного ожидания к трибуне энергичной, пружинящей походкой вышел новый глава местной администрации. Он окинул зал круглыми, живыми глазами, что-то сказал помощнику, и заседание актива началось.

Сначала шел набор стандартных, видимо, подготовленных еще медведевским персоналом фраз, и народ начал привычно клевать носами. Этого барахла они и при Медведеве наслушались. Но едва разговор переключился на злобу дня, Щеглов перешел на свой собственный, колоритный язык, и люди оживились.

– Аркадий Николаевич, – обратился Щеглов к сидящему в первых рядах начальнику милиции. – Объясните мне реально, когда вы чисто конкретно работать начнете? Мне уже перед губернатором за весь этот беспредел стыдно. Че мне ему говорить? Типа ситуацию, пардон, не контролирую, и за база… то есть за слова не отвечаю? Так, что ли?

Наименее сдержанные представители актива прыснули. Но Скобцову было не до смеха. Он тяжело поднялся со своего кресла и молча замер. Ему нечем было крыть. Начальник милиции, как никто другой, понимал, что четыре трупа за четыре дня – это уже слишком. Да еще при таких обстоятельствах.

– Может, вы братвы боитесь? – продолжил атаку Щеглов. – Или просто работать не умеете?

Скобцов налился пунцовой краской.

– Тогда так прямо и скажите, – усмехнулся новый глава. – Я реального человека назначу. Или сам все разведу. И мокрушников этих со дна моря достану, и полный ажур в городе наведу.

Народ зашевелился. Заявка была смелая. Осталось только за базар… ой! то есть за слова ответить.

– И потом, что это за наезд на главу администрации в прессе? – повысил голос Щеглов. – Что это за выражение: «Посмотрим, как он проявит себя в деле»?

Актив принялся оглядываться. Где-то здесь должен был сидеть редактор усть-кудеярского «Вестника», допустивший столь дерзкий выпад против Николая Ивановича.

– Я вам не пацан зеленый, наездов на исполнительную власть не потерплю! – стукнул по трибуне кулаком Щеглов.

Священник смотрел на этого уверенного, крепкого человека и все больше понимал – особой разницы между ним и Медведевым нет. Что Николай Иванович Медведев, со своим деревенским слогом, среднетехническим образованием и партшколой за спиной, что этот пивовар с городской окраины – оба одного поля ягоды. Крепкая конституция, гонор и готовность раздавить любого, кто встанет на пути. И все. Никаких духовных запросов, никаких мук совести, и вообще ничего «лишнего», ничего, что могло бы помешать ровному, поступательному движению вверх.

– Я вас научу работать! – продолжал Щеглов. – И писать реально научу, и налетчиков конкретно ловить!

– У нас уже есть первые улики, Николай Иванович, – вышел наконец из ступора Скобцов. – Эксперты работают…

– Что ты мне фуфло гонишь, Скобцов?! – ядовито поинтересовался глава. – За кого ты меня держишь? А? Улики у него, видите ли, есть.

– Есть, – упрямо наклонил голову начальник милиции.

– А если есть, чтобы сегодня же мне раскладку дал.

Судя по всему, Щеглова весьма неплохо проинструктировали. Он поднимал, одного за другим, начальников служб, директоров, управляющих и каждому предъявлял именно то, что следовало предъявить. Пусть на своем языке, пусть не совсем вежливо, но абсолютно точно по сути.

Народ медленно, но все более и более шалел. Такого не ждал никто. И только под самый конец Щеглов промахнулся.

– Кстати, почему у нас воинская часть от налогов уходит?

Зал недоуменно переглянулся. Новоиспеченный глава районной администрации определенно не видел разницы между супермаркетом и воинской частью.

– Брыкалов здесь? – назвал фамилию командира полка Щеглов. – Нету? Не пришел, значит, товарищ подполковник… А жаль. Значит, придется отдельно разговаривать.

– Чего он несет? – наклонился к уху главврача отец Василий. – Какие с них налоги?

– Потом объясню, – отмахнулся Костя, но так и не объяснил.

* * *

Через два часа, когда распаренные из-за плохой вентиляции конференц-зала руководители вышли на ступеньки здания администрации, все тот же пропитой начальник УКСа, что пошутил, сравнивая Медведева и Щеглова перед заседанием, внятно произнес:

– Николай Второй.

Но теперь люди рассмеялись. «Попадание» было идеальным. Оба главы – что бывший, что нынешний – походили один на другого, как сын на отца. И оба были полные тезки.

Отец Василий присел на лавочку. Честно признаться, теперь он даже не знал, что делать. Чуть раньше, буквально пару часов назад, он считал, что идти к Щеглову со своим скандальным гаражным вопросом бесполезно – не решит. Человек новый, как работать будет, неизвестно. Но теперь стало совершенно ясно – Щеглов ничем не хуже Медведева. Напротив, он даже лучше просто потому, что моложе и энергичнее.

Люди выходили и выходили, спускались по ступенькам и торопливо шли на стоянку, и через десяток минут стоянка опустела, а на лестнице остались только сотрудники районной администрации. Отец Василий поднялся с лавки, задумчиво прошелся вдоль аллеи вперед, затем обратно, затем снова вперед…

– Что, батюшка, может, по коньячку? – услышал он насмешливый голос и обернулся.

Рядом с ним стоял улыбающийся Щеглов.

«Помнит, что коньяк должен! – усмехнулся священник. – Надо же, на ловца и впрямь зверь бежит!» Более удобного случая, чтобы решить свою гаражную проблему, и придумать было нельзя.

– Поехали, ваше преосвященство, – не по чину обратился Щеглов. – А то я теперь человек занятой. То в область, то по району… вон, гляньте, – кивнул он в сторону напряженно вытянувших шеи в сторону своего нового босса работников аппарата. – Того и гляди, на клочки порвут со своими проблемами. Поехали. Посидим в «Волге», побалакаем.

– Вы мне лучше скажите, – совершенно неожиданно для себя спросил отец Василий. – Как вы себя на новом месте чувствуете?..

– Честно?! – рассмеялся Щеглов.

– Разумеется, – заинтересованно наклонил голову священник.

– Как пескарь в царстве щук! – еще громче рассмеялся Щеглов. – Стоит зазеваться, и костей не останется!

От его круглой, конопатой физиономии веяло такой детской непосредственностью, такой дремучей, провинциальной простотой, что отец Василий не удержался и тоже рассмеялся.

– А что, – понизил голос до заговорщического шепота Щеглов. – Я на этой должности вызываю у посторонних людей смех?

– Нет, Николай Иванович, – покачал головой священник. – Не в этом дело. Просто вы сейчас напомнили мне этот свой ужасный портрет на бутылке пива… Ну, помните, с годик назад?

– Еще бы, – с важностью произнес Щеглов. – Лучший художник рисовал. В советские времена он один во всем нашем районе имел право Брежнева изображать.

Щеглов хитро прищурил глаза, рассмеялся, и отец Василий вдруг подумал, что не так-то и прост этот человек. Ох, не прост.

Вообще-то от приглашения в ресторан следовало отказаться. Но отец Василий понимал, что гаражный вопрос – как беременность: сам по себе не рассосется. И случай поговорить о нем выдался уникальный, второго такого не будет. Бутылку коньяка ему должны только одну, а люди по мере служебного роста склонны забывать о таких ничтожных с высоты их нового положения долгах. Вот только прихожане…

Однако он давно чувствовал себя вправе поступать так, как сочтет нужным, и искренне рассчитывал, что его проверенный временем авторитет не пошатнется в глазах прихожан, и большинство усть-кудеярцев поймут все верно. Раз батюшка зашел в ресторан, значит, так надо. Да и напряженнейшее служение во время сорокадневного поста сказывалась, и еще более напряженные службы во время Пасхи. Он действительно устал.

– Ладно, в «Волгу» так в «Волгу»! – махнул он рукой.

Они сели в ту самую темно-фиолетовую красавицу, которую отец Василий видел в тот раз на берегу реки, быстро домчались до ресторана, а еще через минуту отец Василий попал в рафинированную европейскую обстановку – никель, стекло и идеальная чистота.

Он огляделся и еще раз поразился силе рыночных отношений. Совсем недавно, с год назад, здесь был обыкновенный старый причал. А теперь смотри-ка…

– Вид-то какой! – восхищенно покачал головой Щеглов. – Я каждый раз, как сюда попадаю, глаз оторвать не могу! Только за этот столик и сажусь!

Они подошли к огромному, от пола до потолка, окну и загляделись. Великолепная, без конца и без края, серебристая река мерно перебирала свои большие пологие волны и текла… текла…

Они зачарованно присели за «щегловский» столик. Ни есть, ни пить, ни даже говорить уже не хотелось. Тихо подошел и так же тихо отошел, чтобы не мешать, мудрый официант. Выглянуло из тумана желтое, расплывчатое солнце, снова спряталось, и только тогда Щеглов нарушил тишину.

– Я вот что думаю, – хмыкнул он. – Бог ведь знает, зачем я появился на свет…

– Вне всякого сомнения, – кивнул священник, думая о том, когда следует спросить насчет гаражей.

– Значит, его устраивает моя судьба? – выдал неожиданно глубокую мысль глава.

– А что вы сами об этом скажете? – осторожно поинтересовался отец Василий. Он не любил таких поворотов.

Глава администрации внимательно посмотрел в глаза священнику, и между ними проскочила какая-то искра понимания. По крайней мере Щеглов определенно просек, что отца Василия этот разговор настораживает.

– Сейчас объясню, – сделал успокоительный жест ладонью Щеглов и щелкнул пальцами застывшему у стойки бара официанту. – Два коньяка!

Там, у стойки, все пришло в движение, но Щеглов поднялся и направился к выходу на террасу, красиво нависающую над самой водой.

– Пойдемте, батюшка, – позвал он. – Нам принесут.

Отец Василий вышел вслед за ним под свежий весенний ветер и аж зажмурился от удовольствия, так хорошо здесь было.

– Если я не помогаю людям реально, я не нужен, – тихо, но жестко произнес Щеглов, опершись о перила и задумчиво глядя в серую воду. – Но как им помочь реально, если они этого сами не хотят? Если единственное, что им нужно, это дешевое пиво с моей физиономией на этикетке?

«А ты не прост, Николай Иванович! – еще раз восхитился отец Василий. – Ох, не прост!»

И в этот момент раздался странный шелест, и в спину отцу Василию словно ударила огромная раскаленная пуховая подушка. Его подняло и медленно понесло над стремительно выросшей в размерах серой рекой. Воды словно стало в два раза больше. Мимо, обгоняя его, проплыл в сторону причудливо искривленного горизонта зеленоватый, оплавленный по краям кусок стекла, и священник вдруг подумал, что вот ведь странность – столько лет пользоваться стеклом и не знать, как оно выглядит, когда выходит из огня.

Река приблизилась. Теперь он мог разглядеть даже мельчайших насекомых, снующих у самой поверхности.

Он ухнул в реку плашмя, погрузился, хлебнул, выскочил, поперхнулся, снова нырнул… Весенняя вода оказалась холодной и отдавала рыбой и соляркой. «Что это?» – подумал отец Василий, обернулся и оторопел.

На месте стоявшего на сваях ресторана «Волга» образовалась странная, просевшая в центре конструкция из покореженного металла. А сверху, словно сюрреалистический урбанистический снег, вращаясь и планируя, медленно опадали куски и хлопья дымящейся пластмассы.

Вода рядом с ним пошла пузырями, разошлась и вытолкнула задыхающегося, кашляющего главу районной администрации.

– Блин! Блин! Блин! – как заведенный, повторял он. – Чего это?! Блин! Там же Лариска! – И вразмашку поплыл к останкам ресторана.

«Да, верно, там люди!» – как-то отстраненно подумал священник и последовал за ним. Его мутило.

Они проплыли отделявшие их от места взрыва полтора десятка метров и, уцепившись за осевшие в воду конструкции, полезли вверх. Металл был горячим.

– Блин! Там же Лариска! – беспрерывно твердил Щеглов, оскальзываясь на мокрых, дымящихся щитах. – Лариска!!! Блин, где ты?!

Священник торопливо следовал за ним, но ни единой живой души не видел. Здесь не было даже крови. И лишь добравшись до того места, где раньше располагался бар, они увидели первое тело. Это был официант.

Он лежал скорчившись и мелко трясся. «Живой!» Отец Василий приподнял мужика, перекинул его через плечо и, хватаясь за железные ребра осевшего до уровня человеческого роста потолка, побрел туда, где раньше был выход.

– Лариска! – орал, словно обезумевший, Щеглов. – Ларка, блин! Где ты?! Где, блин, у них чертова кухня?!

Священник с трудом пробрался к бывшей площадке перед бывшим входом в ресторан и опустил официанта на засыпанную обломками пластмассы брусчатку. Здесь уже начали собираться люди, но всех как одолел столбняк – ни жеста, ни слова.

– В» Скорую» его! Быстро! – жестко распорядился отец Василий, ткнул рукой в трясущегося официанта и побрел назад.

Покрытие потолка бывшего ресторана вынесло полностью. И пустые квадратные проемы потолочного каркаса смотрелись, как ячейки огромной, даже не на человека поставленной сети. Откуда-то снизу валил то ли пар, то ли дым, но

огня не было.

Священник ухватился за теплый металл и, осторожно ставя скользкую от воды единственную уцелевшую на нем туфлю, направился туда, где, по его расчетам, была кухня. Щеглов был здесь. Он силился приподнять кривую, сизую в месте прогиба балку, но сил не хватало.

– Подожди, Ларка, я сейчас! – твердил он. – Подожди!

Отец Василий подобрался ближе, присел, подставил под балку плечо и распрямился. Куча строительного мусора хрустнула, заскрежетала и подалась вверх.

– Вот и хорошо, Ларочка! Вот и молодец! – всхлипнул глава администрации и потянул на себя что-то знакомое, бело-розовое, как пряничный ангелок. Нет, все-таки бело-красное. Белая ткань поварской спецодежды и красная кровь.

Отец Василий дождался момента, когда Щеглов подхватил свою подругу под мышки и потащил к выходу. Лишь тогда отец Василий сбросил неимоверную тяжесть с себя. В глазах потемнело. Кто-то помог ему, поволок к выходу, а затем и через усыпанную горелой пластмассой брусчатку…

Отчаянно подвывали желто-голубые милицейские «мусоровозы», откуда-то издалека раздавался тревожный рев пожарки, люди кричали, бегали, тащили носилки. А отец Василий сидел на лавочке, тупо уставясь в единственную уцелевшую на ноге туфлю так, словно видел ее в первый раз. Он словно и не был здесь… Его тошнило.

* * *

– Отец Василий! – затрясли его за плечо. – Батюшка! Ты как?!

Священник поднял глаза. Перед ним, уже без пиджака и галстука, с мокрыми, растрепанными волосами стоял встревоженный, но собранный и решительный Щеглов.

– Живой…

– Пошли со мной, – поднял его под руку глава районной администрации. – Черт! Какой вы тяжелый! – Он все никак не мог выбрать, на «вы» или на «ты» следует называть священника. – Скобцов! – заорал он куда-то в сторону. – Бегом ко мне! Бегом, я сказал! Ты какого хрена…

В глазах у отца Василия двоилось. Удар взрывной волны был слишком силен. «Наверное, контузило, – без всяких эмоций подумал он. – Плохо…»

– Что ты мне из себя барана строишь?! – продолжал орать на Скобцова глава администрации. – Я тебе что сказал?! Будешь мне фуфло гнать, я тебя при всех раком поставлю!

Отец Василий поднял голову. Скобцов стоял перед главой района бледный и злой, но возражать не смел.

– Если до вечера ничего не выяснишь, пеняй на себя! – пригрозил Щеглов и повернулся к священнику. – Вы что-то бледный, батюшка. Пошли в машину ко мне.

Кто-то подошел к отцу Василию с другой стороны, и вдвоем они потащили его быстрее.

– Вы мне только сознание не теряйте. Вы мне еще нужны! – приговаривал Щеглов и снова закричал: – Эй, вы там! Врача сюда! Врача, я сказал!

Отца Василия усадили в машину, а затем подошел и врач. Он сразу же сделал священнику укол и начал долго и настойчиво препираться с главой района, но отец Василий уже почти ничего не соображал, догадывался только, что спорят из-за него.

– Ты ложись, батюшка, – подвинул его Щеглов. – Здесь, позади, места много. Как раз поместитесь…

Священник послушно прилег и подложил руки под щеку. Голова немного звенела, но в целом после укола заметно полегчало.

– Сейчас в одно место с вами съездим, – наклонился над ним Щеглов. – Как вы? Видите хорошо?

– А что такое? – приподнялся священник.

– Гляньте, батюшка, – протянул ему Щеглов две фотографии. – Нет ли среди них того, что вы у банка видели? – тихо спросил он.

– Я только глаза и помню, – так же тихо ответил священник. – Разве опознаешь?

– А вы все-таки гляньте.

Священник напряг зрение и охнул. Это были фотографии трупов – глаза прикрыты, зубы оскалены.

– Не-е, Николай Иванович, по этим фотографиям ничего не скажешь. Я лиц-то не видел, только глаза. А что случилось?

– Потом объясню.

* * *

Машина катила по улицам. Отец Василий помаленьку приходил в себя, но вставать не спешил: ему было хорошо и так.

– Войны хотите?! – орал в сотовый телефон Щеглов. – Ну, так будет вам война! Ах нет?! А какого тогда хрена…

«О чем он? – удивленно думал священник. – При чем здесь война? Ведь взрыв был только один… Или нет?» Сложные, многосоставные образы хаотично перемещались перед его глазами, наплывая один на другой.

– Я не понял! Ты мне что, «стрелку» забиваешь?! – продолжал орать глава администрации района.

«Чего он так кричит?» – поморщился отец Василий. Звуки раздражали. Он уперся рукой в сиденье, приподнялся и сел. Машина уже выехала на трассу и мчалась в сторону областного центра. Погода резко испортилась, и мелкий снежок потихоньку засыпал уже начавшую зеленеть на обочинах траву. Священник пошевелился и только теперь осознал, как неуютно ему в мокрой насквозь рясе.

– Николай Иванович, – позвал он. – Мне бы домой…

– Скоро, батюшка, скоро, – даже не обернувшись, выдавил Щеглов. – Только в одно место заедем, и я вас тут же отвезу.

Глава сидел за рулем сам. То ли потому, что не мог доверить свою машину шоферу, то ли еще почему. «Зачем я ему понадобился? – пытался сообразить отец Василий. Он уже понемногу очухался и старательно приводил мысли в порядок. – А ведь это уже второе покушение, – дошло до него. – Вряд ли те, что напали на Щеглова с трубами, были случайными гуляками – в Усть-Кудеяре я этих парней точно не видел».

Щеглов съехал с трассы и повел машину в небольшой березовый перелесок неподалеку.

– Я сейчас выйду, – не оборачиваясь произнес он. – Мне тут кое-что перетереть надо. А вы, батюшка, смотрите в оба. Может быть, кого из этих людей опознаете. Лады?

– Лады. – Отец Василий уже видел проглядывающие сквозь ряды белых стволов две красивые дорогие машины.

Щеглов подвел свою машину почти вплотную к группе крепких, неплохо одетых мужиков и стремительно вышел. «Стрелка», – вспомнил священник. – Он что-то говорил про «стрелку»…» Они кивнули один другому и, не вынимая рук из карманов, застыли, словно перед схваткой.

Сначала говорил Щеглов. Затем – высокий, самый старший в этой компании мужчина. Слов отец Василий не слышал, но позы были достаточно красноречивы, обе стороны были порядком возбуждены и отчетливо излучали угрозу. Священник внимательно всмотрелся, но никого не узнал, он определенно видел собеседников главы района впервые.

Его снова замутило, и отец Василий торопливо вывалился из машины.

– Чего ты пургу метешь? – возмущался невдалеке высокий мужик. – Я тебе, Щегол, еще раз говорю, это не мои! Что ты сказал, то мы и сделали, а все остальное у мусоров своих спроси!

Священника вывернуло.

– А чего ты, в натуре, буквоеда сюда притащил?

– Ты мне баки не забивай, – спокойно вернул разговор в прежнее русло Щеглов. – Ты мне скажи, кто, кроме тебя, об этом знал?

– Бугра спроси, – после недолгой паузы сказал высокий. – Он мне что-то про чехов брякнул, типа к Исмаилу приезжали…

– Вот это другой базар, – с облегчением выдохнул Щеглов, развернулся и подошел к отцу Василию. – Как вам, полегчало?

– Немного, – кивнул священник.

– Тогда поехали.

Только отъехав метров двести, Щеглов повернулся.

– Ну как? Был кто-нибудь из них?

– Нет, Николай Иванович, никого.

– Ну и ладно. Мы сейчас еще в одно место заскочим, так вы уж будьте добры, еще раз посмотрите.

Священник задумался. То, что Щеглов только что говорил именно с братвой, было очевидно. Но так же очевидно было и то, что он этой самой братве не доверяет и, кажется, в чем-то подозревает ее.

– Вы бы, Николай Иванович, к Карнаухову обратились, – назвал он фамилию местного начальника ФСБ. – Он мужик толковый, да и возможности у него, сами понимаете, не те, что у Скобцова.

– Уже обратился, – не оборачиваясь кивнул Щеглов.

– И что?

– Говорит, работаем. Только не верю я ему. Мне губернатор сразу сказал: трудно будет тебе, Коля, но помогать не стану, выкручивайся как можешь. Сам. – Глава района усмехнулся. – Вы не поверите, мне братва больше объективной информации выдает, чем собственные работники.

– Но ведь не задаром? – осторожно вставил священник.

– Эт точно! – помрачнел Щеглов. – Хотя кто в наше время задаром работает? Разве что я?

Отец Василий улыбнулся. Пивовар уже явно видел себя эдаким мужественным и бескорыстным спасителем демократии районного масштаба.

* * *

Минут через двадцать они уже были в Усть-Кудеяре. Через полчаса томительного ожидания у железных ворот довольно большого кирпичного дома на самой окраине города отец Василий понял, кто такой этот Бугор. Потому что к машине, в сопровождении четырех крепких парней в армейских бушлатах, подошел сам председатель Военно-патриотического союза Виктор Сергеевич Бугров. Был Бугров, как всегда, в камуфляже с расстегнутым воротом, за которым виднелись черно-белые полосы тельняшки.

Они долго о чем-то разговаривали со Щегловым, а потом Бугров утвердительно кивнул, и глава района пожал ему руку и вернулся в машину.

– Этих не опознал? – сразу поинтересовался он.

Отец Василий еще раз внимательно оглядел бугровскую свиту. Знакомых лиц не было.

– Вы думаете, те, кто напал на банк, и те, кто устроил взрыв, одни и те же люди? – спросил он.

– Однозначно, – кивнул Щеглов. – Кому-то я оче-ень не по душе пришелся. И, кажется, я все лучше просекаю, кому.

Нового главу района понять было можно. На кого-то опираться надо, но в ситуации сразу не заладившихся отношений с местной милицией в лице Скобцова и острого недоверия к ФСБ ему оставалась только братва, ну и… Бугров. «Которым он точно так же не доверяет», – завершил свою мысль священник.

Только теперь он ясно осознал, как расчетливо поступил губернатор, спровадив Щеглова из областной Думы сюда, на окраину области. Еще две-три недели такого бардака, и Щеглова можно будет снимать. И тот это чувствует.

– А мне ведь с вами везет, – прервал тишину глава района. – Второй раз чудом жив остаюсь, прямо талисман какой-то… Вы, случайно, не заговоренный?

– Православие отвергает практику заговоров, – сурово отозвался священник.

– А жаль, – усмехнулся Щеглов. – Мне бы сейчас не помешало…

– В бога веровать надо, – вздохнул отец Василий. – А все остальное приложится.

– А я верю, – кивнул Щеглов. – И в храм аж в самую область езжу. Страсть как обожаю, когда поют. Такие, блин, голосочки! О-бал-деть!

– В храм ходить – это еще не все, – печально сказал отец Василий. – Человеческая вера в сердце живет, а не только в храме.

* * *

На одном из перекрестков к ним в хвост пристроился грузовичок под тентом, и Щеглов, похоже, обрадовался, а еще минут через пять отец Василий понял, что за Исмаила поминала в разговоре братва.

– Вы что, Николай Иванович, рехнулись?! – возмутился он. – Вы что делать собираетесь?!

– Да так, – усмехнулся Щеглов. – С черными по душам поговорим. Давно, блин, я с ними не базарил.

– Не смейте, – покачал головой священник. – Вы просто не понимаете, во что ввязываетесь.

– А вы не пугайте, – сквозь зубы откликнулся глава района. – Мне, блин, терять нечего. Или пан, или пропал!

Машина встала, и священник выскочил наружу, стараясь перегородить дорогу спрыгивающим из кузова грузовичка крепким парням в одинаковой черной форме.

– Назад! – превозмогая подступившую тошноту, закричал он. – Назад, безбожники! Вы что делаете?!

– Отойди, батюшка, – потянул его за мокрый рукав рясы Щеглов. – Это уже не твое дело.

– Как это не мое?! – возмутился отец Василий. – Это же дом муллы! Вы что, бойню по всему Усть-Кудеяру затеять хотите?!

– Глаза протри, поп! – зло выкрикнул Щеглов. – Бойня давно идет!

Поп вырвал руку и двинулся вслед за парнями. Позволить им спровоцировать вражду между конфессиями он не собирался. Захлопали двери, послышались гортанные крики, зазвенело битое стекло… Отец Василий ворвался в дом. Парни удерживали на полу двоих – муллу Исмаила и еще одного, по виду кавказца.

– В сторону! – скомандовал священник и оторвал от Исмаила того, что стоял к нему поближе.

Тот замахнулся, но священник перехватил его руку, стремительно провел подсечку и аккуратно уложил на пол. Кавказец, воспользовавшись сутолокой, вывернулся из рук удерживавших его парней в черном, сшиб одного плечом, второго подсек и бросил на пол и ломанулся в соседнюю комнату.

– Держи его! – крикнули сзади.

Священник, не обращая внимания на крики, метнулся спасать муллу. Теперь его удерживал только один.

– Ты куда суешься, поп?! Без тебя обойдутся! – заорали на него.

Священника схватили, ударили по голове и потащили прочь.

* * *

Он очнулся от прикосновения чего-то холодного к темечку. Отец Василий поднял глаза: прямо перед ним стоял парнишка в черной форме – он и обрабатывал ему рану на голове.

– Потерпите, – мягко произнес он.

Священник осмотрелся. Кавказца в комнате не было, видимо, сбежал. А тощего, тщедушного муллу удерживали двое, и третий, сам Бугров, методично бил его под дых затянутым в черную кожаную перчатку кулаком.

– Кто у тебя был? – спрашивал Бугров. – Чехи?

Исмаил обводил комнату обезумевшим от боли взглядом, но молчал.

– Я еще раз спрашиваю, – повысил голос Бугров. – Что у тебя делали чехи?

– Джихад… – пробормотал Исмаил. – Русский другой разговор не понимает.

Отец Василий встал, оттолкнул от себя мальчишку и шатаясь побрел к Исмаилу. Этот беспредел надо было кончать. Бугров отодвинулся и с недоумением уставился на священника.

– Сидели бы себе, батюшка, – заботливо покачал он головой. – Нельзя вам сейчас перенапрягаться.

Но отец Василий не слушал. Он подошел к мулле, хотел сказать, что хватит, что пора с этим завязывать, но тот посмотрел на своего «коллегу» неожиданно ясным взором и внятно произнес:

– Орыстан досымболса белимде карабалта болсын…

– Что? – не понял священник.

Мулла резко осел вниз, рванулся вправо, влево, высвободил руку и, сбросив с себя парней, сшиб отца Василия с ног и бросился к окну.

– Держи его! – заорал Бугров, но было поздно.

Исмаил вышиб раму своим тощим, гибким телом и вместе с осколками стекла вывалился наружу. Метнулись к окну и парни в черном, но отец Василий вскочил и перегородил дорогу.

– Все! – заорал он. – Хватит глупостей! Николай Иваныч! Остановись! Я буду жаловаться!

Все замерли. Пока никто так и не понял, кому собрался жаловаться священник, но люди видели – этот козел в рясе точно куда-нибудь да настучит!

– Ладно, – сказал Щеглов. – Хорош, Виктор Сергеевич. Если бы Исмаил что-нибудь знал, он бы уже раскололся.

– А хрен там! – зло возразил Бугров. – Ты просто, Коля, еще не знаешь, на что эти черные способны! Горло перережут и не зажмурятся.

– Хватит, я сказал, – повторил Щеглов и вышел за дверь.

Парни в черном неуверенно переглянулись.

– В машину! – гаркнул Бугров и, дождавшись, когда молодняк освободит помещение, повернулся к отцу Василию. – Знаете, батюшка, извините меня, конечно, за резкость, но такого откровенного предательства национальных интересов я от православного священника никак не ожидал.

* * *

Всю обратную дорогу в центр они молчали. Щеглов вел машину, отец Василий смотрел в окно. Снег уже почти засыпал газоны и, похоже, даже не собирался таять.

– Вы на меня не обижайтесь, ваше православие, – буркнул Щеглов. – Мне давно уже сказали, что у них на меня зуб.

– У кого – у них?

– У чехов…

– А при чем здесь мулла?

– Все они одним миром мазаны, все друг про дружку знают, и все друг за дружку держатся. Жаль только, что мы так не умеем.

– Зато мы умеем на пустом месте никому не нужный конфликт раздуть, – язвительно откликнулся священник. – Вы что, не понимаете, какую мне проблему создали?

– А при чем здесь церковь?

– А при том, что теперь каждая собака в городе будет думать, что в налете на муллу участвовал сам православный батюшка! Меня-то вы зачем в таком свете выставили?!

– Я думал, может, опознаете кого, – виновато проронил Щеглов. – И еще… честно говоря, я из-за Лариски сегодня сам не свой!

– А что с ней?

– Врачи говорят, мол, ничего серьезного, только лицо стеклом посекло. – Он горько хмыкнул. – Будто не понимают, что значит лицо для бабы.

Щеглов высадил священника у храма, и они расстались, холодно и отчужденно. И только когда темно-фиолетовая машина скрылась за поворотом, отец Василий вспомнил, что так и не забил главе района свой треклятый гаражный вопрос.

* * *

Но на следующее утро он уже об этом совершенно не думал. Потому что на следующее утро город проснулся другим.

За пять минут до начала утренней службы во дворе раздался грохот сапог, и после отрывистой команды в двери храма, раздвигая старушек и тощих, болезненных юнцов широкими плечами, ввалились человек сорок бойцов Военно-патриотического союза. Нет, парни в черном порядка не нарушали, но напряжение и тревога, которые излучались в храмовое пространство, были столь сильны и отчетливы, что отец Василий начал сбиваться и лишь с огромным трудом довел службу до конца.

А через полчаса после окончания службы в бухгалтерию вбежал Алексий.

– Ваше благословение! Ваше благословение! – затараторил диакон. – А гаражей-то больше нет!

– Как это нет? – оторопел священник.

– Сами посмотрите! Бугровцы сняли!

– То есть? – тряхнул головой отец Василий.

– Подошли строем, разбились надвое, подняли и унесли!

– Что, на руках? – не мог поверить священник.

– Ага! – счастливо разулыбался щербатым ртом Алексий.

Отец Василий кинулся вон из бухгалтерии, подбежал к ограде и увидел, что на том месте, где стояли два последних гаража, столь яростно защищаемых отцом и сыном Самохваловыми, остались только две аккуратно забетонированные площадки и сиротливо стоящие на них старенький «москвичок» и полуразобранный мотоцикл «Урал». Сами Самохваловы сидели чуть поодаль на бревнышке и, тупо уставясь перед собой, бессильно теребили в руках «Приму».

– Бугров сказал, что они и технику подгонят, и ограду перенесут! Представляете?! – восторженно поделился диакон.

– Зачем?

– Он сказал, чтобы все «наши» на молебен перед храмом помещались.

Отец Василий представил себе бесчисленные стройные черные ряды на площади перед храмом, и ему даже поплохело.

– А что? Классно! – чуть не подпрыгивал на месте Алексий. – И нам храмовых денег не тратить!

– Заткнись, дурак! – грубо оборвал его отец Василий, но тут же пожалел о своей несдержанности. Ни в чем не повинный Алексий радовался совершенно искренне. Диакон даже не подозревал, во что втягивают православную церковь.

А к обеду, когда отец Василий направился в администрацию, он увидел – самые худшие его опасения подтвердились, и в городе уже начался «акт второй» разразившейся вчера драмы. Потому что слева от входа в здание администрации района стояли пожилые татарки с плакатами в руках. «Освободите муллу Исмаила!» – было написано на листах ватмана зелеными школьными фломастерами.

«Ну, затеял господин Щеглов историю!» – ругнулся священник и пошел искать главу района. Пускать такое дело на самотек было просто опасно.

В свое время, еще во время службы в ОМОНе, ему приходилось участвовать в разгоне подобного пикета, почти целиком состоявшего из престарелых жительниц сносимого района, и более позорного задания у ребят не случалось никогда. Нахлебались они тогда дерьма по уши! И ведь ничего не поделаешь, приказ есть приказ. Местным, куда как менее опытным и толстокожим омоновцам, отец Василий такой участи не желал.

Но Щеглова в городе не было, как не было и ни одного из его двух заместителей, и священник, высказав то, что думал, секретарше, с сожалением покинул администрацию. К этому времени у выхода стояли уже два пикета. Один прежний, а второй – состоящий из нескольких молоденьких, аккуратных мальчишек в черных мундирчиках с красочными, броскими транспарантами.

«Нет – исламскому терроризму!» – вслух прочитал отец Василий и покачал головой. Ситуация усугублялась.

А к вечеру ему сообщили, что уже и оба бывших владельца гаражей Самохваловы стоят у здания администрации, и тоже с плакатом. «Долой поповский произвол!» – было начертано на нем.

– Ваше благословение! – с энтузиазмом предложил Алексий. – Давайте и мы чего-нибудь напишем! Вон, прихожане говорят, мы постоим! Вы только скажите, чего написать!

– Чего написать?! – горько усмехнулся отец Василий. – Наверное, «Долой глупость».

Алексий почесал затылок.

* * *

К ночи, уже после повечерия, отец Василий не выдержал и пришел на площадь перед зданием администрации. Число участников пикетов ощутимо выросло что с той, что с другой стороны. И только отец и сын Самохваловы так и стояли в

гордом одиночестве со своим «антипоповским» плакатом.

Священник подошел к мусульманам, тихо, ненатужно поговорил и выяснил, что со вчерашнего вечера никто Исмаила Маратовича в городе не видел, из чего наиболее нервные и нетерпеливые верующие сделали однозначный вывод: муллу арестовали. Отец Василий вздохнул. Исмаил был у своих прихожан в огромном авторитете. Но, главное, власти даже и не подозревали, сколько психически неустойчивых людей остаются в приемлемых для общества рамках только благодаря неустанной работе своих пастырей. Теперь, когда одного из пастырей не стало, все полезло наружу, как дрожжевое тесто.

Угнетали его и люди в черных мундирах. Те, что помладше, видимо, грезили боевыми подвигами и были готовы к любым лишениям для себя и других, лишь бы доказать, что они не трусы и могут отстоять Родину от любого врага – хоть реального, хоть виртуального. А те, что постарше… эх!

Половину из них отец Василий знал еще со школы. Прошедшие суровую школу десанта, морской пехоты, а некоторые еще и Афгана, они так и остались где-то там, в далеком грозовом прошлом. Давно окончившаяся нелегкая служба так и жила в их душах, прорываясь наружу ночными кошмарами и сезонными обострениями. Тот же Бугров… Мало кто в городе знал полную историю бывшего пехотного капитана, а потому и относились к нему или со страхом и негодованием, или с обожанием. Правда, как она есть, ни к тем, ни к другим чувствам не располагала.

А правда была в том, что орденоносный капитан Бугров оставил свою роту без управления и закрылся в штабном бункере в самый трудный момент вовсе не потому, что струсил. Просто нахлынувший приступ душевного расстройства был настолько силен, что капитан так и не сумел с ним справиться. В результате командование принял и душманский налет отбивал совсем юный лейтенантик, а капитан попал сначала под суд, затем в госпиталь, а затем в спецбольницу под Москвой.

Та война давно закончилась, как закончилось и более чем двухлетнее принудительное лечение. Насколько знал священник, потом Бугров неоднократно пытался трудоустроиться, но нигде более полутора-двух месяцев удержаться не мог. Все мерещились капитану заговоры, слежка и прочие кошмары.

Даже теперь, спустя много лет, пожираемый адской смесью мстительной ярости, острой подозрительности и мук совести, бывший пехотный капитан был не вполне адекватен и в качестве компенсации за пережитый на военно-полевом суде позор все порывался спасти не менее чем всю Россию. Понятно, что стоящие в пикете мальчишки этого не знали, и слава богу, что не знали.

«Надо звонить Медведеву, – решил священник. – Кто-кто, а уж он ситуацию понимать должен».

* * *

Отец Василий вернулся домой, кинул в мусорное ведро зачем-то принесенную с собой единственную уцелевшую туфлю, рассеянно поцеловал жену, улыбнулся Мишаньке и набрал домашний номер бывшего главы района.

– Николай Иванович?

– О-о! Батюшка! – удивленно протянул Медведев. – Как дела, как настроение?

– Плохо, Николай Иванович. Помощь ваша нужна…

– Если опять насчет гаражей, то это не ко мне! – рассмеялся Медведев. – У вас теперь новый глава есть.

– Я не о гаражах, я о пикетах.

– Вот что, Михаил Иванович, – назвав священника мирским именем, неожиданно серьезным голосом произнес Медведев. – Ты в это дело не суйся. Не твоего ума это дело. Пусть все идет как идет.

– То есть? – не понял священник. – Как это «пусть»?! Вы знаете, что Исмаил Маратович исчез?

– Конечно, – спокойно подтвердил Медведев. – Я еще вчера вечером об этом знал.

– И так спокойно к этому относитесь?!

– Все под контролем, батюшка, все под контролем, – самодовольно произнес Медведев. – Никуда твой любимый мулла не денется, прибежит как миленький. Ты бы лучше отдохнул, ваше благословение, а то все в заботах, в тревогах. Вот я, например, завтра с губернатором на охоту собрался. И ты куда-нибудь сходи, развейся.

В голове у отца Василия забрезжила неясная мысль, какая-то идея… Но действовать с налету было неумно.

– Охота? – вздохнул он. – А пожалуй, вы правы. Что-то я забегался в последнее время. Надо и впрямь отдохнуть.

– Так я что и говорю! С нами и поехали бы, ружьишко у меня запасное имеется, патронташик найдем…

– С вами?.. – как бы колеблясь, переспросил священник, а сам изо всех сил старался не выдать охватившую его радость. – Но без ружья не останусь? Это точно?

– Гарантирую! – с жаром сказал Медведев. – И мне веселее будет, хоть одна усть-кудеярская душа рядом!

– Заметано! – согласился священник. – Когда едем?

– Завтра в четыре утра ждите. Я заеду.

Медведев кинул трубку, и священник с шумом выдохнул. Губернатор – вот к кому он завтра же обратится. Иван Семенович не сможет не выслушать.
И сделать вид, что ничего не случилось, тоже не сможет.

Он повернулся к жене и широко улыбнулся.

– Все, Олюшка, завтра с Медведевым на охоту еду. Готовь бушлатик, сапожки – в общем, сама знаешь.

Попадья с подозрением уставилась на мужа. Он никогда не любил это вроде бы как истинно мужское занятие. И, вкупе с тем, что отец Василий пришел босой и мокрый как мышь, а на расспросы просто отшутился, это заставляло ее всерьез призадуматься.

* * *

Медведев заехал, как и обещал, в четыре утра. Отец Василий дал жене последние ЦУ, строго-настрого наказал с самого утра передать Алексию все его наставления, поцеловал Олюшку в щеку и вразвалочку направился к машине.

– Вот и молодцом! – похвалил бывший глава. – Трогай, Санек!

Машина тронулась, набрала скорость, и вскоре огни Усть-Кудеяра остались далеко позади.

Конечно, полноценной охоты сейчас, ранней весной, быть не могло. Но ни отца Василия, ни Медведева это нимало не смущало. Оба прекрасно понимали, что так называемая губернаторская охота начнется небольшим застольем, продолжится гонками на предоставленных воинской частью бэтээрах, а завершится застольем побольше и стрельбой по пустой стеклотаре. Все как всегда. Зверя, буде он попадется под горячую губернаторскую руку, понятное дело, загонят и застрелят, но не это придавало всю прелесть охоте, совсем не это…

В темном чистом небе еще сияли звезды, но на востоке уже светлело, и было ясно – не пройдет и двух часов, и выпавший вчера снег начнет таять, и все прелести ранней весны легко вернут свои ненадолго утраченные позиции.

Время за разговором летело незаметно, и, пока они доехали до губернаторских угодий, отец Василий узнал, что Николай Иванович вовсе не расстроен поворотом судьбы. Конечно же, губернатор позаботился и о его трудоустройстве. И будет теперь Медведев одним из далеко не последних губернаторских заместителей. Вот только место освободится…

Мимо проносились колхозные поля и фермы, леса и перелески, и наконец машина остановилась в прекрасно знакомом священнику месте. Не далее как

этой зимой именно здесь, среди невысоких, поросших березой сопок, отцу Василию посчастливилось поездить на бэтээре, правда, вторым номером.

Они вышли из машины, и Медведев сладко потянулся, а отец Василий внимательно огляделся. Егеря и военные давно были здесь и в полной готовности, возле костров суетились несколько солдатиков срочной службы, но их скоро уберут на задний план, а на переднем плане, на покрытом белоснежной скатертью длинном столе уже красовались напитки и закуски.

– Здорово, Николай Иванович! – громко крикнули от «уазика» с военными номерами.

Священник вгляделся. Это был командир местной воинской части подполковник Брыкалов.

– Здорово, коли не шутишь, Брыкалов! – отозвался Медведев и повернулся к отцу Василию. – Пошли, батюшка, послушаем свежих анекдотов.

– Как там этот дурак, держится еще?! – весело спросил подполковник, едва они подошли.

– Ты знаешь, Петрович, я за этим не слежу, – засмеялся Медведев. – Неинтересно.

Отец Василий превратился в слух. Ему уже случалось бывать в таких компаниях, но ни разу еще никто не позволил себе столь откровенно высмеивать человека из аппарата, тем более первое лицо района. Обычно здесь и субординацию соблюдали, и элементарной вежливости придерживались. Судя по всему, Щеглова здесь считали парией, отверженным…

– Все-таки что значит браток, – сокрушенно покачал головой Брыкалов. – Только пришел, и сразу беспредел начался. При вас, Николай Иванович, такого быть не могло.

Разговор как-то сам собой заглох, и только порция действительно свежих анекдотов помогла убить время до приезда губернатора.

Но едва большой, грузный Иван Семенович выполз из своего джипа, все разом изменилось, завертелось, зазвенело бокалами, защелкало затворами, загоготало и зашуршало. Изголодавшаяся на холодке свита мигом опустошила стол, и началось действо.

Разведка донесла, что где-то совсем рядом есть кабан, и охотники стремительно выстроились в цепь, растянулись и пошли, раздвигая заросли тальника стволами и переговариваясь на ходу.

– Видите, что вокруг творится? – наседал на отца Василия идущий рядом подвыпивший подполковник Брыкалов. – Апокалипсис! Мусульмане с юга, Штаты с севера, китайцы на востоке! Но Россию так просто не возьмешь! Наш народ долго запрягает, но быстро едет!

Священник слышал эту присказку из уст Брыкалова уже не первый раз. Вообще Василий Петрович оставлял впечатление вполне благоразумного человека, но стоило ему выпить!..

– Кузьменко! – дурным голосом заорал Брыкалов. – Где, бля, кабан?! И сам ты где?! Бля…

В ответ откуда-то с противоположного бугра раздался протяжный свист.

– Мой заместитель, – горделиво произнес Брыкалов. – На охоте незаменим!

Отец Василий вежливо кивнул.

– Кузьменко! – снова крикнул подполковник. – Ну-ка ко мне!

Священник поморщился. Похоже, Василий Петрович собирался демонстрировать силу воинской субординации в действии. Понятное дело, никто из штатских начальников и близко не имел столь абсолютной власти над подчиненными ему людьми. Брыкалов это понимал и стремился показать преимущество своего положения при каждом удобном случае.

Через некоторое время кусты зашуршали, и прямо на священника уставились два пронзительных, очень знакомых глаза. По спине отца Василия прошел

холодок.

– Кузьменко, бля, выходи! – скомандовал подполковник. И вот отец Василий смог разглядеть этого человека целиком.

Невысокий, крепкий, он смотрел на священника оценивающе и даже, пожалуй, расчетливо, так, словно пытался определить на глаз его вес или рост.

И отец Василий вспомнил! Именно этот взгляд он видел тогда, у банка! Это был убийца милиционера.

– Кузьменко, бля, где кабан?! – весело спросил Брыкалов.

Кузьменко спокойно, слишком спокойно, отвел глаза, и до отца Василия дошло – этот человек не только узнал его, этот человек понял, что его узнали тоже. Священника затрясло.

– Где и положено, под губернатором, – спокойно ответил начальству Кузьменко, но отец Василий уже плохо соображал, о чем это они. «О губернаторе? При чем здесь губернатор?» Он сглотнул и, стараясь выглядеть непринужденным, начал прикидывать, что делать.

Одно он понимал точно – Брыкалов знать ничего не должен. По крайней мере сейчас, пока отцу Василию ничего не известно о его роли в том страшном деле. Но кто тогда должен? Из районного начальства здесь не было никого – ни начальника ФСБ Карнаухова, ни начальника РОВД Скобцова. Из областных силовиков кто-то был, но где они сейчас?

– Ладно, Кузьменко, иди! – разрешил Брыкалов, и убийца шагнул в сторону и растворился среди зарослей.

«Он меня убьет! – абсолютно непреложно понял священник. – И прямо здесь! Поди докажи потом, кто это сделал, и вообще что это не несчастный случай!»

Он затравленно огляделся по сторонам. Пока они беседовали с Кузьменко, остальные ушли далеко вперед, да и сам Брыкалов священника не ждал, все более отрывался от него и был уже метров за десять. Где-то вдалеке начали

стрелять, и отец Василий инстинктивно пригнулся. Попасть под «случайную» пулю не хотелось.

Отец Василий переломил ружье пополам, торопливо зарядил оба ствола первыми попавшимися патронами, закрыл и прислушался. Если не считать далеких, слишком далеких выстрелов, здесь было совершенно тихо, ни шороха, ни хруста.

Он осторожно тронулся назад, туда, где остались у машин люди: солдаты, обслуга… Но, ступив лишь несколько шагов, понял, что дорога, которой он пойдет, как раз и есть самая опасная – справа и слева покрытые зарослями тальника сопки, а сам топаешь по камышу, и слышно тебя поэтому на десятки метров.

Самым безопасным было как раз последовать за охотниками, чтобы через двадцать-тридцать метров податься влево, выскочить в березовый лесок, а затем раствориться в ивняке.

Он сделал несколько торопливых шагов и поморщился. Не хрустеть камышом еще получалось, но вот мокрая земля чавкала под ногами на всю округу. Он пригнулся, чтобы заправить брючину в сапог, и совсем рядом прозвучал оглушительный выстрел.

Священник рухнул на землю. Кроме легкого звона в ушах, вокруг было абсолютно тихо. Он поднял глаза. Камыш прямо над ним был словно подрезан. В него стреляли дробью.

Отец Василий почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо, страх словно испарился. Он приподнялся на кулаках, как варан, огляделся и глубоко потянул ноздрями воздух. Человеком не пахло. Он бы учуял. Но ничего не было – ни табака, ни пота, ни запаха обуви.

Отец Василий пригляделся к верхушкам камыша. Ветер шел справа-сзади. Поскольку запаха нет, справа-сзади Кузьменко нет. Уже кое-что. А учитывая направление обреза камышовых верхушек, убийца должен быть или прямо сзади, или сзади-слева – точнее определить было сложно.

Он развернулся и залег. Земля под его телом мягко прогнулась, и живот начал стремительно промокать от весенней талой воды. Отец Василий ждал.

Тихо шуршали камышовые метелки, чуть ниже по тону гудели верхушки далеких берез. И лишь едва-едва слышались далекие выстрелы.

Но он знал, что рано или поздно Кузьменко себя проявит. Дело времени и выдержки.

Прямо над ним пролетела крупная черная птица, где-то неподалеку пискнул мелкий зверек. И снова тишина.

Он лежал, все более и более промокая и медленно, но верно погружаясь в холодный талый грунт.

Хрустнула ветка. Как раз там, где мог находиться убийца. Священник ждал. Теперь он отдавал себе отчет, что сам убивать не будет, и два патрона в общем-то попали в стволы случайно, от страха. Но и лишним ружьецо не было, перебить ноги убийце дробью он бы смог.

Чавкнула земля. Отец Василий изготовился.

Кто-то глубоко вздохнул. Священник оперся руками о землю и привстал. Не так далеко, буквально в десятке метров от него, за камышами угадывалось темное пятно. И это пятно дышало.

Священник медленно, осторожно, стараясь не издать ни малейшего звука, привстал на одно колено, поднял дробовик и прицелился. Пятно сдвинулось влево, и в тот же миг отец Василий плавно переместил ствол правее и, зная, что попадет в ноги, нажал спуск. И еще раз!

Грохнул выстрел, за ним второй, и из камыша с диким визгом вылетел грязно-серый не слишком крупный кабан. Он визжал так, что у отца Василия заложило уши. Кабан метнулся вправо, затем влево и понесся прямо на священника! Сшиб, ударил копытом в лицо и с тем же воплем исчез в камышах.

Священник медленно сел. Скула болела, а перед глазами плавали разноцветные круги. И в этот миг снова прозвучал выстрел. Но на этот раз стрелял уже не он, стреляли по нему.

Правую ногу пронзило острой болью. Отец Василий вскочил, но тут же снова упал, перекатился и пополз к тальнику. Сзади раздался хруст и еще один выстрел, и тогда отец Василий встал на ноги и, не обращая внимания ни на что, метнулся в заросли!

Кузьменко стрелял в него два раза, но попал только один. Это означало, что опыта стрельбы из дробовиков у него просто нет. Время на перезарядку тоже работало на священника, и он старался выжать из себя все, что можно.

– Раз. Два. Три, – размеренно считал он, зная, что раньше, чем на «шесть», выстрела не будет. – Четыре. Пять. Шесть!

Он рухнул на землю и затаился. До спасительных зарослей оставалось всего ничего – три-четыре метра. А хруст за собой он перестал слышать еще на счете «три». Значит, оторваться удалось еще метров на восемь.

Вокруг стояла мертвая тишина. Даже кабан больше не визжал; наверное, помер… Что-то заскворчало, и священник отчетливо услышал мужской голос. Говорили тихо, но он слышал все.

– Голубь, я – Беркут. Сокол бьет ворону. Все. Квадрат Бэ-восемь. От меня вверх. Прием. Да. Да, я сказал.

В камыше снова заскворчало, и все стихло.

Отец Василий сглотнул и по-пластунски пополз в тальник. То, что Кузьменко вызвал подкрепление, было очевидно. Теперь время и расстояние приобретали особый смысл.

В кустах он быстро перезарядил ружье и помчался вверх по склону, чтобы пересечь наконец границу тальника и далее идти по самой кромке зарослей и более не шуметь. Нога почти не болела, но это мог быть обычный шок, так иногда случается. Он выскочил на поляну перед березовым леском и огляделся.

Отсюда, с половины высоты сопки, многое было виднее. Далеко справа дымили костры обслуги, и если добраться до нее, можно прыгнуть в любую машину и через пару часов писать показания где-нибудь в областном Управлении ФСБ. Причем, если не терять времени и побежать туда прямо сейчас, подмога к Кузьменко просто не успеет подойти! Это была мысль.

Отец Василий мельком глянул на штанину. Она была обильно посечена мелкой, на утку, наверное, дробью и вся залита кровью. Горячая липкая кровь хлюпала даже в сапоге. Но это был сущий пустяк. Раздался гул.

Священник прислушался. Звук был знакомый.

«Что такое?!» – удивился он. Звук был слишком знакомый. И уже в следующий миг он все понял. Из-за сопки вынырнул и мгновенно повис над долиной, отрезая пути к бегству, армейский вертолет.

– Ничего себе! – охнул он, еще раз огляделся и, не теряя времени, помчался в противоположную от намеченной сторону. То, что его к людям не выпустят, было совершенно очевидно.

Вертолет качнулся и последовал за ним.

Священник охнул и прибавил ходу.

Обычно стрельба с вертолета по бегущим мишеням была коронным губернаторским номером. Она оставлялась на самый конец, «на сладкое», и далеко не всем дозволялось присутствовать при этом действе. Но случалось, что вертолетом и зверя гнали, особенно если загонщики плохо постарались. В любом случае воинская часть поставляла эту технику на каждую охоту заправленной топливом под завязку. Они могли преследовать его почти бесконечно.

«А вдруг это сам господин губернатор шутит?» – мелькнуло в голове отца Василия, но он сразу же отогнал эту мысль. Заряд дроби в ноге вовсе не был шуткой. Как и вызов подмоги. А главное, эти глаза, когда он увидел их второй раз в жизни, тоже не шутили.

Вертолет слегка наклонился и спикировал прямо на него.

«Как волка!» – возмущенно подумал священник и метнулся в заросли.

Он бежал, пробиваясь грудью сквозь тугие ветки и выставив перед собой ружье, чтобы не выхлестало глаза. Сзади раздался выстрел; еще один, теперь правее, и он сообразил, что с вертолета пока стрелять не будут – огромная боевая машина просто указывает «загонщикам», куда побежал «зверь».

«Надо пробиваться к Волге», – понял отец Василий. Там, среди бесконечных топких ложбин, обильно поросших камышом и тальником, оторваться от преследования будет проще. Он еще прибавил ходу.

Снова раздались выстрелы, но более священник не паниковал. Он чувствовал, что стреляют наугад, просто в указанном вертолетом направлении, а значит, пока все в порядке.

– Все в порядке! – твердил он. – Все в порядке!

Подраненная дробью нога начала гудеть, но у него не было ни времени, ни возможности обращать внимание на такие мелочи.

* * *

В него стреляли еще восемь раз, и, судя по источникам звука, число «охотников» уже выросло до трех. Но чем больше он бежал, тем глуше становились выстрелы, а потом наступил момент, когда вертолет потерял его из виду.

Отец Василий как раз выбежал к самой пойме и здесь резко притормозил. Тальник в этих местах рос пятнами, на бесчисленных небольших вызвышениях, и теперь священник дожидался, когда вертолет повернется к нему хвостом, и лишь тогда делал мощный рывок и перебегал к следующему зеленому пятну. И снова залегал.

Уже на пятом или шестом таком маневре он понял: его потеряли! Огромная зеленая стрекоза беспорядочно кружила над зарослями, но определить, где именно он находится, «загонщики» уже не могли. И чем больше проходило времени, тем дальше он отрывался, и тем легче было проделать очередной финт.

Солнце уже изрядно приподнялось над горизонтом и даже начало припекать. Отец Василий кинул последний взгляд на далекий, хаотично мечущийся над зарослями вертолет и, уже почти не скрываясь, перешел на ровный, размеренный бег.

* * *

Он остановился, только когда понял, что ушел, а нога стала заявлять о себе все более и более настойчиво. Отец Василий рухнул на просохший бугорок и задрал штанину. Кровь текла совсем слабо, но нога уже начала припухать, а вокруг аккуратных, округлых дырочек образовались отчетливо видимые синяки.

«Дома разберусь! – вздохнул он. – Главное теперь – выйти на трассу…» Он огляделся по сторонам, пытаясь определить, куда идти дальше, но понял, что это почти безразлично. Куда бы он ни пошел, места наиболее активных поисков придется огибать, и на трассу он сможет выбраться не ранее чем через шесть-семь часов.

Потянуло костром. Отец Василий раздул ноздри и медленно, глубоко вдохнул. Точно. Это был дым.

«Охотники? – подумал он. – Или рыбаки? Интересно, откуда».

В этих местах любил отдыхать не только губернатор. И, как бы ни старались егеря и рыбнадзор, на огромных, поросших камышом просторах поймы великой реки запросто могли затеряться две-три мелкие браконьерские группы. Если выйти к ним, прямо на запах костра, убедительную легенду, чтобы немедленно выехать отсюда, отец Василий придумать бы смог.

«Рыбнадзором напугать? – начал прикидывать он, продираясь сквозь хрустящий камыш. – Или сказать, что зэки сбежали и теперь пытаются завладеть чьим-нибудь транспортом?» Идея была хорошая.

Запах костра становился все отчетливее.

Священник с энтузиазмом преодолел еще полсотни метров, когда запах настолько усилился, что он понял: костер уже здесь! Где-то совсем рядом! Он даже слышал характерное потрескивание выгорающего… камыша…

Что-то было не так. Слишком сильный треск. Отец Василий осмотрелся по сторонам, убедился, что вертолет остался далеко за пределами видимости, взобрался на небольшое возвышение и замер.

Там, вдалеке, отчетливо виделась длинная – по всей линии горизонта, от края до края – полоса огня. Это горел камыш.

– Ничего себе! – выдохнул священник. – Как кабана загоняют!

Именно так, подпалив камыш, губернатор в прошлом году неплохо поохотился. Потому что обезумевшее от страха зверье летело, скакало и бежало прямо под пули охотников.

Отец Василий понятия не имел, кто устроил этот поджог, губернаторские загонщики или подручные Кузьменко. Но, кто бы это ни был, сплошная стена огня стремительно росла в размерах и двигалась прямо на него!

Под ноги с пронзительным визгом бросился молодой кабанчик, над головой поднялась и, трепеща крыльями, рухнула в камыши целая ватага перепелок… Здешняя живность уже почуяла опасность и теперь, обезумев от страха, мчалась прочь.

«Надо было к охотникам бежать! – тоскливо подумал священник. – Прямо к губернатору! И ничего бы этот Кузьменко не смог!»

Отец Василий решительно кинулся к ближайшей луже. Если тщательно вымокнуть и накрыть голову бушлатом, прорваться было можно.

– А если на той стороне меня уже ждут? – вслух подумал он.

Оказаться после прорыва сквозь огонь на выжженной, совершенно открытой поверхности было не с руки.

– Легкая добыча, вот кем я тогда стану! – вслух завершил он свою мысль и прислушался.

И в следующий миг понял – он уже ею становится. Потому что это трещал вертолет.

* * *

Его и впрямь загоняли как зверя. Впереди пал, а за ним открытое выжженное пространство, позади – Кузьменко со своими людьми. И куда бы он ни побежал, везде ждало в конечном итоге одно и то же – пуля в лоб, а скорее всего заряд дроби в живот. В общем, «несчастный случай».

Он подумал, что экспертиза наверняка установит, что в него стреляли по меньшей мере дважды – в ногу и… туда, куда попадут. Эксперты наверняка определят и то, что после первого ранения он еще долго бежал.

– Если вообще тело найдут! – ядовито оборвал он себя. Тело и впрямь могли не найти.

Отец Василий снова осмотрелся по сторонам и увидел, что пожиравшее сухой камыш пламя уже достигло зарослей тальника и от пропитанных весенними соками ветвей повалил густой сизый дым. И в этот момент его осенило. Единственным куском пространства, где он мог оставаться не замеченным сверху, была длинная «нейтральная полоса», идущая вдоль пала, перед самой линией огня, там, где дым нависал сплошным непроницаемым облаком.

«Задохнусь к такой матери!» – вздохнул священник, но в следующий миг сорвал с себя бушлат и побежал к луже – замачивать.

Мягкий, набитый ватой бушлат промокал плохо, и отец Василий принялся остервенело топтать его ногами, чтобы ускорить дело, до тех пор, пока не пошли пузыри, а выдернутый из лужи бушлат не стал тяжелым, как плохо выделанный тулуп. Священник перекинул его через плечо и бросился в сторону огня, и только здесь, когда дышать стало почти невозможно, обернул шею и рот истекающим жидкой грязью бушлатом и побежал вдоль широченной полосы огня.

* * *

Расчет оказался верным. Вертолет пролетел прямо над ним, но не задержался и вскоре барражировал над гарью, в полукилометре от священника. Проваливаясь где по колено, а где и по грудь в оставшуюся после паводка жидкую грязь, отец Василий упрямо продвигался вперед, старательно следя за тем, чтобы не оказаться слишком близко к огню и не выскочить на не прикрытое дымом пространство. Но все равно он регулярно промахивался, и один раз, в самом жутком месте, сдал влево и неожиданно обнаружил себя между двух голых, совершенно выгоревших бугров.

Вертолет остался далеко позади, но рисковать не хотелось, и он вернулся-таки назад, в дым и чад с обратной стороны линии пала. И спустя бесконечно долгое время понял – все удалось. Потому что огонь иссяк, слева пронзительно засверкала в лучах солнца Волга, а прямо перед ним замаячил зеленый березовый перелесок. Ни огня, ни дыма, ни вертолета, ни стрельбы.

Священник добежал до леса и упал на сухом взгорке. Грудь разрывал кашель, нога онемела, но он знал, что главное сделано. Он жив, и найти его здесь будет невозможно.

* * *

Когда он отдышался, солнце стояло довольно высоко. Отец Василий привычно глянул на часы и усмехнулся – стекло разбито, стрелки сорваны. В белом, подернутом юной изумрудной листвой березовом леске мелодично посвистывали неведомые птицы, кое-где на взгорках уже распустились первые ярко-желтые цветы, а от проглядывающего сквозь тонкие ветви синего неба веяло такой благостью, что все происшедшее с ним казалось канувшим в Лету ночным кошмаром.

Священник со стоном приподнялся, осторожно, так, чтобы не причинять себе лишней боли, встал на колени и начал молиться. Он не хотел ни мести злодеям, ни спасения живота своего, он просил отца небесного об одном: чтобы дал господь силы вынести все, что он ниспошлет. В окружении всей этой красоты он ясно, отчетливо осознавал неслучайность происшедшего и искренне верил, что

за каждым его движением, за каждым поворотом судьбы стоит великий, действительно великий замысел. И наступил миг, когда он снова ощутил себя свежим и полным сил, чтобы идти своим путем до самого конца, каким бы он ни был.

Отец Василий еще раз перекрестился, со вздохом сел и закатил мокрую, грязную штанину. Нога стала еще пухлее и еще синее. Он поискал глазами, но понял, что чистой воды, чтобы промыть ранки, он здесь не найдет, а разводить огонь… пожалуй, было рановато. «Надо идти вниз по Волге, – решил он. – Даст бог, выйду на тропу, затем на какую-нибудь грунтовку, а там и до трассы будет недалеко». Священник тяжело поднялся и, хромая, побрел вперед.

* * *

На дорогу он наткнулся часа через полтора. Грунтовая, как и ожидалось, едва накатанная двойная полоса делала в этом месте замысловатую петлю и уходила на северо-запад, туда, где пролегала трасса на Усть-Кудеяр. Священник осмотрелся и, настороженно поглядывая по сторонам, побрел вдоль колеи к людям.

Он прошел, пожалуй, метров пятьсот, когда что-то внутри, интуиция, или шестое чувство, или еще что, чему и названия не придумано, заставило его остановиться.

Ярко светило весеннее солнце, вовсю щебетали птахи, а воздух был напоен ароматами свежей листвы и просыпающейся мокрой земли. Но что-то было не так. Священник замер и прислушался.

Послышался скрип.

Отец Василий насторожился.

Скрип перерос в устойчивое скворчание, и из ближайших кустов раздалось отчетливое хриплое бормотание:

– Беркут, я Голубь-шесть. Как слышите? Прием.

Отец Василий похолодел. Позывной «Беркут» он сегодня уже слышал – как раз тогда, когда Кузьменко вызывал вертолет.

«Ах ты! Какая незадача! – чуть не чертыхнулся он. – На него что, вся Российская Армия работает?!»

– Беркут, Беркут, я – Голубь-шесть. Вороны не пролетали. Как слышите? Прием, – снова раздалось из кустов.

Отец Василий тихо сел и принялся ждать. В его положении никакая информация лишней не была. Рация снова заскворчала и смолкла. Кусты зашевелились, и из них показалась бритая голова. До нее было так близко, что казалось, пройди пару шагов, протяни руку, и коснешься колких коротких волос.

– Эй, Леха! У тебя курево еще осталось? – поинтересовалась голова.

– Курить – здоровью вредить, – назидательно отозвался Леха из точно таких же кустов на той стороне дороги.

– Блин, Леха, у меня уже уши опухли! – пожаловался солдатик.

– Ты присягу давал? – ядовито поинтересовались из кустов напротив.

– Ну, давал, – уныло откликнулся бритенький, понимая, что ему сейчас прочтут очередную мораль.

– Что там сказано, помнишь? Стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы. Вот и переноси, молодой.

Бритая голова печально вздохнула и снова погрузилась в кусты.

– Он, может быть, другой дорогой пошел, – пробурчал он вполголоса. – А мы жди этого козла…

Но Леха на той стороне бурчание услышал и откликнулся немедленно.

– Дурак ты, Бася, и не лечишься! Помнишь, что Кузьма сказал? Особо опасный! Сообщать немедленно. При необходимости стрелять на поражение! Кто попадет, тому отпуск на десять дней. В отпуск хочешь?

– Ага, – обиженно отозвался Бася. – Так меня и пустили в отпуск через полгода службы! Держи карман шире!

– Кузьма – не Брыкалов, – парировал из кустов Леха. – Если Кузьма сказал, сто пудов сделает.

«Ну, вот и дождались! – покачал головой священник. – Я теперь, значит, «особо опасный»! Хорошенький поворот! Ничего не скажешь». Он отполз в сторону, присел и принялся ждать. Наблюдать за наблюдателями оказалось выгодно, по крайней мере он теперь знал куда больше, чем если бы брел где-нибудь по камышам.

За следующие два часа ожидания он узнал о себе и своем теперешнем положении столько нового, что призадумался. Было над чем. Судя по тому, что вполголоса обсуждали между собой солдаты, Кузьменко сорвал парнишек с обеспечения охоты, чему поначалу, понятное дело, никто не обрадовался. Загонять зверя, шуметь, поджигать камыш и вообще отрываться было не в пример веселее, чем торчать в кустах, периодически выходя на связь.

Теперь несколько десятков парней сидели в засадах по всей округе и внимательно следили за проселками, надеясь-таки засечь высокого, здоровенного, заросшего бородой по самые глаза мужика в бушлате и получить после этого обещанный отпуск на родину. Понятно, что столь высокие ставки вдохновляли, тем более что Кузьменко ясно сказал: преступник бродит именно здесь, будьте бдительны, где-нибудь он да выйдет на свет.

Парни старались как могли, и, учитывая, что Кузьменко послал ребятишек даже сюда, за много километров от места начала погони, следовало трезво признать – выбраться отсюда самым быстрым путем, прямо по трассе, вряд ли удастся. Не выпустят. Сил и власти у заместителя командира полка достаточно.

«Интересно, как он потом все это Брыкалову объяснит? – подумал священник и сам же над собой посмеялся. – Да мало ли как! Учения! В приближенной к боевой обстановке! Чтобы служба медом не казалась!» Но мог быть вариант и похуже –

в том случае, если Брыкалов и сам в курсе. Даром, что ли, он оказался на охоте рядом со священником?!

Отец Василий беззвучно рассмеялся – это уже было похоже на манию преследования. Он прекрасно понимал, что вряд ли кто захотел бы его убирать, не произойди эта роковая вторая встреча с убийцей. А безобидный Брыкалов едва ли что знает. Ну не смог бы он тогда так вот запросто смотреть отцу Василию в глаза. Просто не смог бы. Не тот человек. Наверное…

Он сидел в своей «засаде» до тех пор, пока ребят не приехали сменять. Однако на прыгучем военном «уазике» приехал не сам Кузьменко, а какой-то старлей, и священник понял, что дело приняло весьма серьезный оборот и без Брыкалова здесь уже вряд ли обошлось. Он совершенно растерялся.

Офицер быстро выгрузил смену, забрал вконец отсидевших зады Леху и Басю и, тихо и коротко что-то сказав, умчался по лесной дороге прочь. Отец Василий бесшумно вздохнул и пополз в сторону, к Волге.

* * *

Лишь через две сотни метров он поднялся во весь рост и, уже не опасаясь постов, смог идти, а точнее, хромать, нормально. Вскоре впереди засверкала гладкая поверхность реки, и он побрел вдоль берега вниз по течению.

Березовый лесок закончился, и перед ним снова возникли бесчисленные старицы, острова и полуострова, заросшие камышом и тальником, как поп бородой. Солнце уже склонялось к горизонту, и наступил момент, когда отец Василий понял – хватит, пора остановиться.

Он выбрал подходящий мысок, продрался сквозь двухметровые сухие и ломкие стебли к самой воде и, бросив рядом с собой мокрый, тяжелый бушлат и ружье, присел. Очень хотелось есть.

«А у губернатора сейчас полный разгул! – сокрушенно покачал он головой. – Рыбка, водочка, шашлычок… Интересно, хватились меня или нет?» Сказать было сложно. В прошлом году на точно такой же, только районного значения, «охоте» потерялись два человека, и о них никто не вспомнил до тех пор, пока в

понедельник не стало ясно, что они не вышли на работу. И поначалу Медведев подумал, что мужики просто перебрали и теперь отсыпаются. Но потом позвонили встревоженные жены, и стало ясно – начальников служб надо искать.

Конечно же, их нашли там же, где и оставили, – в рыбачей сторожке на одном из островов. Без лодки, почти без провизии, но зато с недопитым ящиком водки. Как оказалось, третий их товарищ обещался смотаться на лодке за закусью, но, едва добравшись до теплого салона автобуса, заснул и в таком вот бесчувственном состоянии был доставлен домой. Впрочем, товарищи на него обижались не слишком и весь последующий год на каждом застолье поднимали тост за постоянное наличие трех крепких вещей – крепкой дружбы, крепких напитков и крепкого здоровья.

Отец Василий покосился на ружье. Стрелять, конечно, не стоило, даже если прямо к нему «на дом» попадет молоденький поросенок. И вдруг ясно осознал, что домой сегодня точно не попадет. И устал, и дело к ночи, и вообще… И тогда священник заставил себя встать и принялся сооружать какое-никакое лежбище – солнце уже почти скрылось за линией горизонта.

Одной ночевки под открытым небом отец Василий не боялся. Были времена, когда они с ребятами ночевали вот так же, как есть, в чистом поле, по шесть-семь суток, – и ничего. Главное, чтобы сверху не капало, снизу не подтекало, да чтобы посторонние люди не шастали.

– Так мы и устроимся! – приговаривал в бороду священник, сооружая из камыша маленький, только чтобы лечь, шалашик, почти нору. – Главное, чтоб никто не тревожил, а остальное мы и сами сделаем!

* * *

Уже через несколько часов его мнение кардинально переменилось. Едва солнышко скрылось, воздух резко остыл, и даже камышовое покрытие шалаша не слишком защищало от пронзительного холода. Отец Василий долго ворочался с боку на бок и в конце концов не выдержал и накинул сверху мокрый, настывший бушлат.

Поначалу было мерзко. Тяжелый, сырой, пропахший тиной и дымом бушлат, казалось, отбирал последнее тепло. Но постепенно отец Василий притерпелся, бушлат прогрелся от дыхания, и ему удалось заснуть. Правда, ненадолго. И уже через три или четыре часа его снова начало колотить от холода, и спать категорически не получалось.

«Тяжко быть в бегах! – с горечью осознал отец Василий. – А Олюшка, наверное, блинчиков приготовила с маслицем…» Он обожал блинчики со сливочным маслом – прямо со сковородки, когда они еще обжигают руки, но в рот уже ничего, идут за милую душу. Хороша была и квашеная капустка. Сейчас, в этой холодрыге, мысли о холодной, прямо из подпола квашеной капустке заставляли вздрогнуть, но он знал, если к ней подать поджаренную на сале, еще шкворчащую картошечку да рюмашку хорошей водки, то очень даже ничего пойдет кисленькая квашеная капустка.

Рот наполнился слюной. Отец Василий вздохнул, попробовал разозлиться и встать, чтобы сделать энергичную зарядку и прямо сейчас тронуться в путь, но тут же застонал – нога буквально полыхнула болью.

«Черт! – подумал он. – Как же я дойду?» Но и сил вот так вот лежать в промозглой сырости уже не было. Он собрался с духом и, превозмогая боль, быстро и решительно выбрался наружу.

Воздух был морозным. По крупицам сохраняемое под влажным бушлатом тепло резко испарилось, и отец Василий понял, что ровным счетом ничего не выиграл. Было холодно, а стало еще холоднее. Он быстро надел бушлат, надеясь по ходу прогреть и просушить его собственным телом, и, постанывая, пошел вперед.

Небо на востоке уже розовело, и в зарослях вовсю стрекотали какие-то птицы, явно радуясь тому, что вот, еще четверть часа – и этот невыносимый дубак закончится. Отец Василий брел сквозь хрусткий камыш, изо всех сил оберегая ногу и старательно огибая мокрые места. Но получалось это не всегда. Здесь волжская весенняя вода выходила на пологий берег напрямую, порой начисто покрывая собой все, кроме редких, поросших тальником возвышений. И тогда он, плюнув на все, побрел напрямую, как есть, а хлюпанье сапог по воде и хруст камыша слились в одну монотонную, нескончаемую песню.

* * *

Когда он наконец увидел еду, солнце уже шпарило вовсю, а бушлат почти полностью просох. Еда стояла в миниатюрном заливчике, на мелководье, и слабо шевелила жабрами и плавниками. Отец Василий примерился. Рыбина была килограмма на два – два с половиной. Как она проделала долгий путь сквозь камышовые дебри, оставалось загадкой, да это и не было важным. Главное, деться ей из этой лужи было решительно некуда.

Священник потеребил в руках ружье и решительно отставил его в сторону, оперев на гибкий ивовый куст. Шуметь не стоило, да и дробовой заряд наверняка разнес бы нежнейшее мясо. Он осторожно снял и положил на те же ивовые ветки бушлат и приготовился.

Рыба стояла на том же месте.

На цыпочках, осторожно опуская в воду носки сапог, отец Василий сделал четыре шага и замер.

Она плавно повела хвостом.

Он сделал еще один шаг.

Она не возражала.

И тогда он бросился вперед, и в тот самый миг, когда его руки коснулись воды, рыба прыгнула ему навстречу и, обдав лицо веером брызг, исчезла.

Отец Василий вздохнул и начал поочередно выдергивать руки из холодного вязкого ила. Уплыть далеко она не могла. Некуда здесь было уплывать.

Успокоив дыхание и оглядевшись, отец Василий обнаружил злодейку на противоположной стороне лужи. Она стояла в той же самой позе и так же размеренно, можно сказать, равнодушно, прокачивала воду сквозь жабры.

История с поимкой повторялась еще восемь или десять раз. Священник вымок до нитки, случайно зацепил ружье и бушлат и сдернул их в грязную, взбаламученную воду и, наконец, просто замерз. И только каким-то шестым чувством осознав, что эту тварь надо брать не на упреждение, а просто дуром,

внагляк, он смог ухватить ее за скользкую, гладкую чешую и, рыча от ненависти и голода, вытащил на берег.

Она действительно была красавицей, пусть и не такой, какой казалась в воде, но весьма и весьма аппетитной. Отец Василий огляделся, затем прислушался и, не обнаружив ничего подозрительного, кинулся шарить по карманам. Где-то здесь должна была валяться дешевая китайская зажигалка.

В карманах ничего не было.

Он еще раз обыскал каждый уголок одежды, прощупал подклад бушлата, но все было бесполезно. Зажигалка исчезла.

Он застонал и, обхватив голову руками, сел на бережку. Где-то он читал, что рыбу можно есть и сырой. Вроде бы это даже здоровее, но он так мечтал запечь ее на костре!

Где-то рядом кричали галки, суетились вездесущие наглые воробьи, а священник так и сидел, задумчиво уткнувшись лицом в ладони, пока до него наконец не дошло, что у него есть патроны, а значит, и порох! Он поднял голову, с энтузиазмом подтащил к себе ружье, и вдруг ему показалось… он повернул голову – рыбы на том месте, куда он ее положил, не было!

Отец Василий подскочил, начал соображать, как это двухкилограммовой рыбине удалось бесшумно проползти два с половиной метра к воде, и понял, что этого быть не может. И только внимательно обшарив берег взглядом, он обнаружил искомое. Большая черная ворона, вцепившись за жабры клювом, упираясь трехпалыми лапами в землю, как бурлак, изо всех сил тянула рыбину прочь, подальше, в надежное место. Рыбина вяло сопротивлялась.

– Ах ты, мерзавка! – возмутился священник.

Ворона искоса посмотрела на него круглым, невозмутимым глазом и утроила усилия.

– Лучше по-хорошему отдай! – засмеялся отец Василий и направился отнимать свою законную добычу.

Ворона встрепенулась и, возмущенно каркнув, отлетела в сторонку. Священник вздохнул, поднял рыбу и покачал головой. Он знал, что завтрак у него будет ого-го!

* * *

Решив развести костер где-нибудь подальше от берега и поближе к воде, он отправился вперед, подбирая подходящий мысок, но только метров через триста обнаружил то, что надо. Далеко-далеко тянулась широкая песчаная коса, поросшая редкими невысокими кустами и буквально заваленная дряхлым, но довольно сухим плавником.

Он повесил ружье на плечо и пошел, прихрамывая, вперед, подбирая по пути более-менее сухие ветки, пока не добрел до самого конца косы. И здесь буквально остолбенел. Прямо перед ним уютно расположился совершенно цивильный, в модерновом стиле исполненный то ли шалаш, то ли даже дом из тщательно переплетенного красной синтетической веревкой камыша. Он был настолько высококлассно построен, что у отца Василия даже промелькнула веселая мысль, а не планируют ли разместить на этой косе выставку достижений народных умельцев.

Он огляделся по сторонам. На темно-красных тальниковых ветках болтались на ветру маленькие цветастые ситцевые трусики и такая же миниатюрная маечка.

Священник прокашлялся, машинально поправил сползшие брюки и огладил бороду. «Грязный я, поди, как шахтер после смены!» – мелькнула досадливая мысль. И в следующий миг он получил такой удар по голове, что рухнул на песок, мигом забыв и про трусики, и про маечку, и про бороду.

Сверху мелькнула черная тень. Священник охнул, извернулся и откатился в сторону, отметив, как мощно, как умело нанесен и этот пришедшийся мимо удар толстенной дубиной. Он вскочил, поставил блок и в следующий миг оседлал своего мелкого, но верткого противника.

– Ты?!

Под ним, собственной персоной, лежал усть-кудеярский мулла Исмаил.

– Ты?! – выдохнул в ответ мулла. – Ах ты, гнида! Выследил?! Дер-жи!

Священник получил режущий удар в лицо и откинулся назад. Так его не били уже давно.

– Ты что делаешь?! – возмутился он и тут же заработал второй удар – ногой в лицо.

Он зарычал, вскочил, кинулся на мелкого, верткого муллу, мечтая сломать его тщедушное тельце между пальцев, но его все били и били, то руками, то ногами, а то и той самой дубиной.

Священник схватил ружье, взял себя в руки и принялся отбивать удары то прикладом, то стволом. Но справиться с этим в буквальном смысле слова пронырливым субъектом было непросто. Мулла проскальзывал меж его рук, словно налим в ладонях, р-раз – и нет!

Только минут через десять напряженного, суматошного сражения, потеряв отброшенное муллой куда-то в воду ружье и заработав еще с десяток хлестких ударов, отец Василий поймал-таки мерзавца за ногу, повалил на песок и навалился на него сверху всеми ста двадцатью килограммами живого веса.

– Что, попался, гаденыш?! – задыхаясь и торжествуя, спросил он.

Исмаил кряхтел, вертелся, но поделать ничего не мог.

– А я-то думаю, чьи это трусики цветные на ветке качаются? – мстительно продолжил священник. – Никак русалочка на выданье на бережок выползла.

Исмаил с ненавистью посмотрел ему в глаза, но деться было некуда, приходилось выслушивать.

– А потом смотрю, не-ет, это же Исмаилушка трусики сушит. Поди, обделался, пока от бугровцев бежал.

Мулла буквально побагровел от ярости и натуги.

– Ну, что, Исмаил Маратович, – уже серьезнее продолжил отец Василий. – Тебя отпускать или предпочитаешь еще подо мной полежать? Давай решай, что тебе больше нравится?

– Отпусти, – прохрипел мулла.

Отец Василий откатился в сторону и сел. В ноге стреляло.

Исмаил вскочил и заметался по берегу, срывая развешенную на кустах свежепостиранную одежду.

– Фашист! – прошипел он.

– Сам дурак, – парировал батюшка.

– Недоносок!

– Это вряд ли, – покачал головой священник, не без удовольствия оглядев свое крепкое вместилище души.

– Ты мне еще за все ответишь! – выдавил сквозь зубы Исмаил и внезапно смолк.

Отец Василий кинул на него косой взгляд и понял, что мулла смотрит на его брошенную в песке рыбу. И жрать ему хочется не меньше, чем самому попу.

– Моя, – небрежно кинул отец Василий. – Сегодня утром поймал. А ружье, которое ты утопил, кстати, медведевское, нырять придется.

– Я – не ты, – четко провел границу между ними мулла. – В холуи к Медведеву не записывался!

– А нырять все равно придется, – почти равнодушно повторил отец Василий. – Ты утопил, ты и доставать будешь.

– Еще чего! – вскипел Исмаил и снова стих.

Священник снова кинул косой взгляд на муллу. Точно, тот смотрел на рыбу.

– Ладно, – рассмеялся он. – Разводи костер. Сейчас пищу принимать будем. Если ты, конечно, не возражаешь.

Исмаил хотел что-то сказать, но сдержался.

– А насчет меня, – охая, поднялся с песка священник, – ты ошибся. Я в этом кошачьем концерте не участвовал. Тебя защитить хотел, да только ты и сам себя защитил неплохо.

– Врешь, – еще враждебно, но уже тише произнес Исмаил. – Это твой цвет.

Отец Василий вздохнул. Детская, почти языческая приверженность простых душ к символике его уже достала. Как будто черный цвет одеяний священнослужителя имел что-то общее с черным цветом косовороток бугровских молодцов.

– Ладно, думай как знаешь, да только я и сам теперь в бегах.

Исмаил недоверчиво посмотрел на своего врага: на грязный, мокрый, воняющий дымом бушлат, немытое лицо – и задумался.

– Я не в бегах, – тихо сказал он.

– Ну да, конечно, – кивнул отец Василий и, снова присев на песок, осторожно стянул с раненой ноги сапог. – Пока там твои прихожане с плакатами у здания администрации стоят, ты себе отпуск без содержания устроил.

– С плакатами? – оторопел мулла.

– А ты думал! «Освободите муллу Исмаила!» Старики, женщины, дети… все как полагается. Ты костерчик-то разводи, а я пока за ружьем слазаю, а то от тебя дождешься, – напомнил священник и стянул второй сапог.

– А ты от кого бегаешь? – не выдержал-таки Исмаил.

– Я еще и сам не понял, – вздохнул священник, снял брюки, стащил через голову рубаху и потрогал воду ногой. Водичка была прохладной, что и говорить.

– Подожди, – насторожился Исмаил и повел ноздрями.

– Что такое? – застыл у воды священник. Лезть в воду не хотелось.

– К нам гости, – побледнел мулла и кинулся к ближайшему кусту.

Отец Василий стремительно натянул брюки, рубаху, поискал глазами бушлат.

– ОМОН! – выдохнул мулла и панически заметался по песку, собирая вещи.

– Откуда знаешь? – встревожился отец Василий. Лично он пока ничего такого не учуял.

– А ты разве не слышишь?! – с отчаянием выкрикнул Исмаил. – Ну, Щеглов! Ну, сука!

Отец Василий выглянул из-за куста, приставил к уху ладонь, но ровным счетом ничего не услышал. Да и коса, насколько хватал глаз, была совершенно пустой. Он вообще не представлял, как можно что-то услышать на таком расстоянии.

– Шайтан! – ругнулся мулла, стремительно собирая вещи в маленький рюкзачок. – Опять бежать придется!

Священник неуверенно покачал головой и в этот самый момент увидел! Точно! Прямо к косе вышли люди в темной, кажется, и впрямь милицейской форме. Они что-то говорили, но слов он, естественно, не слышал. «А может быть, сдаться на хрен? – внезапно подумал отец Василий. – Менты под Кузьменко не ходят. Можно и до города благополучно добраться. А там разберемся».

– Сюда двое пойдут, – выдохнул мулла. – А третий останется на месте.

– Откуда знаешь?

– Офицер сказал.

Отец Василий с еще большим интересом уставился на идущих к ним милиционеров. Перспектива добровольной сдачи его вдохновляла все больше.

– Они сказали, бородатый далеко не уйдет, – снова произнес Исмаил. – Завалим, охнуть не успеет.

– Чего ты брешешь? – обиделся священник. – Как это завалим? За что?

– У них спроси, – решительно отрезал мулла. – Я не виноват, что ты ничего не слышишь. Ну, что, идешь?

– Куда? – растерялся священник.

– Сматываться надо, – пожал плечами Исмаил. – Вон на тот островок. Еще успеем.

Отец Василий печально усмехнулся. Ему страсть как не хотелось никуда бежать. Он сам, правда, давненько уже, был омоновцем и не верил, что его вот так вот запросто завалят. Но и не верить мулле у него оснований не было. Мужик он хоть и тщедушный да нервный, но, кажется, правильный.

– Не знаю, – задумчиво произнес он.

– Как хочешь! – махнул рукой Исмаил, закинул за плечи плотно набитый рюкзачок и решительно ступил в воду.

Священник рассеянно смотрел на милиционеров. Щеглов был ему должен, дважды должен. Он бы не стал отдавать омоновцам такое распоряжение.

– Вон он! – крикнул один из милиционеров, и они побежали, на ходу стаскивая с плеч короткие автоматы.

Священник охнул и, подняв тучу брызг, бросился в стылую весеннюю воду вслед за муллой. Тот уже отплыл на добрый десяток метров. «Успею ли? – думал отец Василий. – А то завалят, как свинью, и блинчиков больше не поем!» Он давно

уже приучил свой дух быть готовым к смерти в любой час, но все-таки жизнь любил больше.

– Сто-ой! – заорали сзади. – Стрелять буду!

«Хрен тебе, а не стой! – выплюнул отдающую тиной и рыбой волжскую воду священник. – Нашли простака!» Теперь он был уверен, что Кузьменко и с ментами как-то договорился.

Протрещала длинная очередь, и отец Василий, набрав в легкие воздуха, нырнул и поплыл под водой, касаясь руками и животом темных, колеблемых течением водорослей. Мимо проплыла серебристая стайка мелких рыбешек, а через долгие полторы-две минуты дно пошло на возвышение, а прямо перед ним показалась настоящая стена камыша, прореженная спутанными осклизлыми кривыми корнями тальника. Он перетерпел острое желание как можно скорее глотнуть воздуха и вынырнул, только когда почувствовал, что больше не может.

Здесь, под прикрытием свисающих к самой воде веток, он был практически незаметен. Омоновцы стояли на берегу и возбужденно переговаривались.

– Я тебе говорю, их двое было! – громко сказал один.

– Ладно, щас Кузьме позвоню, – веско уронил второй и достал из кармана куртки сотовый телефон.

«Ни хрена себе, оснащеньице у районного ОМОНа!» – булькнул священник.

– Мусора поганые! – услышал он сзади сдавленное шипение и обернулся. Исмаил был здесь же, метрах в двух.

– Это не менты, – тихо произнес отец Василий.

– А к-кто? – стуча зубами от холода, зло поинтересовался Исмаил. – Щеглов, шайтан, никак успокоиться не может!

– Где ты в Усть-Кудеяре мента с мобилой видел? – спросил священник. – Да и Щеглов не такой плохой, как ты думаешь.

– Все вы одним м-миром м-мазаны! Н-ну, н-ничего, я до Кремля дойду! – зло пообещал Исмаил. – Н-никому мало не покажется!

Там, на косе, послышался разговор, и они замолчали. Сержант снова что-то произнес, и отец Василий обернулся к мулле.

– Что он сказал?

– Что-то про К-кузьму… – простучал зубами Исмаил. – Он спросил: «К-кузьма к-как, з-за базар отвечает?»

– Ну вот, а ты говоришь, менты, – хмыкнул священник. – Менты под Кузьмой не ходят.

– А к-кто т-такой Кузь-ма?

Отец Василий хотел ответить, но не успел. Потому что со стороны Усть-Кудеяра послышался специфический, очень знакомый гул.

– М-моторка, – констатировал Исмаил. – Н-надо подальше в кусты…

Цепляясь руками за склизкие, местами сгнившие стволы, они тихо пробрались в самую гущу зарослей. Здесь дно было ближе, и теперь они могли стоять в воде по пояс. Звук моторной лодки приближался.

– Прочесывать будут, – вздохнул священник.

Это было неприятно, но не смертельно. Найти двух человек среди сотен квадратных метров густейших зарослей не так-то просто.

Они стояли и ждали. Моторка приближалась. Ее звук, сначала тонкий, как писк комара, постепенно рос, густел, приближался, пока не превратился в рев хищного, требующего чужой крови зверя. И внезапно понизился и стих.

– Где? – громко и требовательно спросили совсем рядом.

Священник затаил дыхание: это был голос Кузьменко.

Ему что-то ответили, и тогда раздался шлепок весла о воду и треск веток, совсем рядом, буквально в нескольких метрах.

– Вперед! – распорядился Кузьменко, и было слышно, как в воду тяжело спрыгнули, один за другим, три или четыре человека.

Священник ощутил, как его сердце замолотило о грудную клетку, словно кувалда. «Вот бы взять тебя! – подумал он. – Прямо здесь! И – в область! Или к Карнаухову. Там бы тебя живо раскололи!»

Люди Кузьменко пошли сквозь заросли, раздвигая ветви и плеская водой, и священник, вздохнув, начал медленно опускаться все ниже и ниже, пока над водой не осталась торчать одна голова. Он уже изрядно продрог, но приходилось терпеть.

Преследователи продрались наконец сквозь кусты и затопали по земле, ломая сухой, хрусткий камыш. «Я его возьму!» – решил отец Василий, погрузился еще ниже, по самые глаза, и медленно и беззвучно, как аллигатор, двинулся по направлению к лодке.

– Куда ты? – прошипел сзади Исмаил, но священник даже не обернулся.

Он выплыл из кустов прямо напротив белого и гладкого борта, оперся о дно, медленно приподнялся, ухватился за борт и в два приема оказался внутри моторки.

Кузьменко здесь не было.

«Ах ты, беда какая!» – расстроился священник. Главный злодей определенно сошел на берег вместе со своими подчиненными.

– Ч-что т-там? – подплыл к борту окончательно продрогший Исмаил.

– Залезай, – подал ему руку отец Василий и рывком выдернул легкое тельце муллы из воды. Его планы менялись ежесекундно. Теперь надо было

пользоваться случаем, чтобы как можно скорее уйти. Священник рванул за трос, мотор взревел, и они понеслись, рассекая серую волжскую воду, по направлению к Усть-Кудеяру.

Сзади раздалась беспорядочная стрельба, крики, и тогда они оба упали на дно и доверились судьбе.

* * *

Течь обнаружилась минуты через две, когда они вошли в узкую, длинную протоку. Отец Василий осторожно приподнял голову, убедился, что они отошли достаточно далеко и никто их не преследует, и принялся искать дыры. Задний борт в районе двигателя оказался буквально изрешечен пулями, так, что было даже непонятно, как их не зацепило. И волжская вода бодро и даже как-то жизнерадостно поступала внутрь, явно мечтая о том счастливом моменте, когда лодка хлебнет бортом, а она снова воссоединится с материнской средой.

– Пробоины? – наклонился над ним Исмаил.

– Угу, – кивнул отец Василий, поискал глазами какую-нибудь емкость, но ничего не обнаружил. – Ты лучше на руль садись, – посоветовал он мулле. – А то, не ровен час…

Что-то хрустнуло, их швырнуло вперед, и двигатель чихнул и заглох. Стало так тихо, что было слышно, как бурлит Волга. Отец Василий со стоном поднялся, огляделся по сторонам и понял, что это не Волга. Вода бурлила в самой лодке, прямо под ногами!

– Блин! Я же тебе сказал, за рулем следи! – чуть не заплакал отец Василий. Дно лодки словно вспороли ножом, а у самого двигателя, из-под взломанной дощатой решетки, как непобедимый фаллический символ торчал острый черный сук.

– Напоролись! – охнул Исмаил.

– Что делать будем?!

Лодка стремительно тонула. Они дружно, как по команде, вздохнули, набрали в легкие воздуха и прыгнули за борт.

* * *

Солнышко снова выглянуло из-за тучки, и отец Василий горестно вздохнул и перевернул выстиранный и отжатый бушлат другой стороной. Преследователи определенно потеряли их. Правда, с час назад две неизвестные моторки промчались в сторону Усть-Кудеяра, но потом все снова стихло, и они помаленьку начали приходить в себя.

Мулла тоже перевернул другой стороной свой молельный коврик и продолжил сосредоточенно копаться в своем рюкзаке.

– Чего у тебя с ногой? – не поднимая головы, спросил он.

– Дробь.

– В тебя стреляли дробью? – поднял густые красивые брови мулла и улыбнулся. – Как в утку?

– Ничего смешного, – обиделся священник. – Тебя вон бугровцы тоже, как свиную отбивную, обрабатывали.

Исмаил вспыхнул, залился краской, но удержал себя в руках.

– Давай вытащу дробь, – тихо предложил он.

– А ты сможешь? – застонав, перевернулся на живот отец Василий.

– Все-таки я ветеринар, – пожал плечами Исмаил. – Как-нибудь с одним русским кабаном управлюсь.

Отец Василий тоже вспыхнул, но понял, что это всего лишь месть за «отбивную», и тоже сдержался.

– А инструмент у тебя есть? – с подозрением в голосе поинтересовался он.

– Главное, что у меня обезболивающее есть, – продемонстрировал Исмаил размокшую картонную коробочку с ампулами и одноразовый шприц.

Священник вздохнул и признал, что это действительно главное. Все равно так, как есть, дробовое ранение оставлять нельзя. Нога уже начала гноиться.

Исмаил принялся раскладывать на полиэтиленовом пакете содержимое рюкзака, и священник подивился его запасливости и предусмотрительности – мулла словно в Мекку пешком собрался. Чего у него только не было: и тебе нитки, и тебе иголки, и тебе какой-то порошок в коробочке из-под фотопленки… Отец Василий принялся стягивать штаны. Сегодня запасливость Исмаила должна сослужить ему неплохую службу.

Мулла профессионально-быстро протер ногу священника одеколоном, и отец Василий только теперь сообразил, чем пахло все это время от Исмаила. И, надо сказать, одеколон был из дорогих. Этот мелкокостный мужичок с аккуратно подстриженной черной бородкой оказался еще и пижоном.

– Сейчас будет немного больно, – предупредил мулла, и отец Василий стиснул зубы.

Но ничего такого не произошло.

– Вот и все, а ты, дурочка, боялась, – с удовлетворением проговорил Исмаил и сделал страшные глаза. – Тэпэр будэм рэзат! Русские любят, когда их режут!

– Ты лучше скажи, где так махаться научился? – рассмеялся священник.

– Я десантник, – гордо произнес Исмаил и, опустив воротник симпатичного свитерка, продемонстрировал самый натуральный тельник.

– Ты?! – не поверил отец Василий. – Какой ты, на хрен, десантник?! В тебе роста – метр с кепкой!

– Вот то же самое мне и военком сказал. Говорят, я во всей дивизии самый мелкий был!

– Как же ты выжил? – булькнул от смеха священник. – Остальные-то, поди, раза в два шире тебя были?

– Чем больше шкаф, тем громче падает, – заносчиво пояснил мулла и продемонстрировал больному первую удаленную дробину.

* * *

Через полчаса Исмаил уже вытащил все одиннадцать дробинок, обработал поверхность чем-то пахучим, больничным и аккуратно забинтовал ногу как-то не по-нашенски тщательно запаянным в целлофан идеально стерильным бинтом.

– Вот черт нерусский! – искренне восхитился отец Василий.

– Ага, – легко согласился Исмаил. – Теперь ты как новенький, но в воду лучше не лезть.

Священник вспомнил утопленное медведевское ружье и пригорюнился. Да и патронташ он тоже где-то посеял, а где?

– Чего ты? – встревожился Исмаил. – Не нравится что?

– Жрать хочется, – мрачно проронил отец Василий. – А у нас ни ружья, ни хрена. Надо к людям выходить, а то сдохнем здесь, как крысы в бочке.

Исмаил покачал головой.

– Щегол на меня, наверное, по всему району охотится. Не своими руками, конечно.

– Да зачем ты ему нужен?! – приподнялся отец Василий. – Ты что, так и не понял, что это недоразумение?

– Ты не все знаешь, – печально покачал головой мулла. – У него ко мне старый счет. Знал же, что добром не кончится, когда этот козлина к власти пришел!

– Что за счет? – заинтересовался священник.

– Это наши дела, – отмахнулся Исмаил. – Браток, он и есть браток. На словах все по понятиям, а копнешь, один интерес: ближнего своего кинуть, а еще лучше – черного. Не знаешь разве?

Отец Василий пожал плечами. На него новый глава района произвел довольно благоприятное впечатление. Неграмотен, конечно, дергается не по уму, а так ничем не хуже прежнего.

– Раков надо ночью наловить, – вернулся он к главному разговору, чтобы поскорее уйти от этой неприятной для Исмаила темы. – С огнем, чтобы в воду не лезть.

Муллу перекосило.

– Я этого не ем. Грязная тварь, трупами питается.

– Ну-у… браток, – весело протянул священник. – Тогда понятно, почему ты такой голодный! Может быть, ты еще и сала не ешь? Что скажешь, десантник?

Мулла с отвращением замахал головой.

– И горилки не пьешь? – хохотнул отец Василий. Смотреть, как корежит Исмаила, было чистым удовольствием.

Мулла сверкнул черными и блестящими, как антрацит, глазами и отвернулся. Что-что, а обижаться он умел. Священник почесал бороду и понял, что на этот раз переборщил.

* * *

Они просидели без жратвы еще двое суток. Островок, на котором они высадились, был достаточно велик, да еще и соединялся с соседними – пройдешь метров шесть по колено в воде, и ты уже на следующем… Но все их потуги отловить хоть одну живую тварь так ничем и не кончались. Вернувшиеся из голодных африканских краев утки были осторожны и ближе чем на пять метров к себе не подпускали, а гнезда, как на подбор, оказывались пустыми – ни яиц, ни птенцов.

Конечно, можно было наловить раков, но лезть в воду со свой недавно «прооперированной» ногой отец Василий опасался, а мулла отверг даже саму идею о том, чтобы брать в руки «эту гадость».

– Нет в тебе человеколюбия, Исмаил, – попенял ему отец Василий и смирился.

Одна была отрада. Исмаил в считанные часы возвел точно такой же шедевр «камышовой архитектуры» – высокий, красивый, состоящий из тщательно переплетенных матов, отчего отец Василий каждый раз, как заползал в него, чувствовал себя самым младшим из «Трех поросят» – кажется, Ниф-Нифом.

Конечно же, его мучили воспоминания о доме и тревога за Ольгу с Мишанькой, но священник тщательно отгонял от себя эти неуместные мысли, утешаясь тем, что пока, на этом этапе конфликта с двуличным Кузьменко, жене ничто не грозит. Впрочем, весь его жизненный опыт внушал – это лишь начало! Подожди, и ты еще узнаешь, на что способны люди подобного сорта. Поэтому оставалось молиться, ждать и снова молиться.

Тревожило его и то, что нога после удаления дробин пухнуть не перестала, но Исмаил его успокаивал и каждые три-четыре часа менял мазь, делая восхищенные глаза и уверяя, что дела движутся все лучше и лучше. Священник ему не верил, от перевязки к перевязке нога болела все сильнее.

Устав от безрезультатных поисков еды, они довольно быстро, чуть ли не на вторые сутки, начали ругаться и, что еще хуже, ввязываться в бесперспективные религиозные диспуты. И священник лишь с огромным трудом удерживал себя от какого-нибудь колкого замечания, когда Исмаил строго пять раз в день становился в позицию и начинал свой очередной «Магриб-ахшам намаз». Если честно, отец Василий и сам удивлялся вспыхивающей в себе совсем не христианской нетерпимости, но объяснял это тревогой за семью, прихожан и

собственное донельзя неопределенное будущее.

Но едва садилось слабое весеннее солнце и наступала ночь, они смиряли гордыню, просто потому, что спать иначе, чем тесно прижавшись друг к дружке, было невозможно. Впрочем, на вторые сутки они привыкли и к этому и, отпуская соленые армейские шутки по поводу разных способов согреться двум мужикам в одной постели, стаскивали с себя бушлат и свитер и, тщательно следя за тем, чтобы это сдвоенное «одеяло» распределилось поровну, укладывались спать.

Причем Исмаилу все равно было спать теплее, потому что, во-первых, он был меньше и его «честной» половины хватало, чтобы укрыться целиком, а у отца Василия то торчала снаружи широкая поясница, то выпирал из-под бушлата живот. Никогда раньше он не думал, что живот может мерзнуть.

Ну и еще было обстоятельство. Сапоги отца Василия так и остались лежать там, где он их снял, когда хотел слазить в воду за медведевским ружьем, – слишком уж спешно пришлось удирать от ОМОНа. И теперь священник нет-нет да и поглядывал на аккуратные, как с выставки, ботиночки муллы, искренне сожалея, что они на шесть размеров меньше, а потому их никак нельзя разделить по-братски.

– Вот скажи мне, Исмаил, – печально вздыхал он. – Почему русский человек всегда остается без сапог? А всякие там мусульмане и одеты, и обуты, да еще и одеколоном за двадцать баксов пахнут?

– За пятьдесят, – обиделся мулла.

– Тем более.

– Головой надо думать, батюшка, головой, – нравоучительно постучал себя пальцем в некогда бритый, а теперь поросший черным колючим ежиком череп мулла. – А не тем местом, где ваша русская правда живет.

– А почему это, по-твоему, она именно «там» живет? – пришла очередь обидеться отцу Василию.

– А потому, что у вас, русских, все через это место делается.

Священник тоже захотел ответить какой-нибудь гадостью, но сдержался. Сам виноват, да и не так уж не прав был Исмаил.

* * *

Лишь на третье утро, на третьи сутки полной голодухи, когда кишки, казалось, стали совершенно стерильными, Исмаил вздохнул и произнес:

– Ты, наверное, прав. Надо выходить к людям.

Священник задумался. С одной стороны, теперь, спустя изрядное время после отчаянного бегства, опасность поимки ему и самому стала казаться какой-то нереальной, а с другой – перспектива трехразового питания в одном из «бетонных ящиков» усть-кудеярского СИЗО выглядела теперь куда как привлекательнее, чем прежде. Но он отдавал себе отчет, что это все – иллюзия, очередной глюк изголодавшегося желудка и слабого духа.

– Давай попробуем, – после длительного молчания кивнул он. – Надеюсь, что мы об этом не пожалеем.

* * *

Когда они, где по пояс в воде, где продираясь сквозь колючий шиповник и колкий, хрупкий камыш, вышли на берег, солнце уже поднялось и стояло почти в зените. Ближайшая к ним деревня оказалась недалеко, километрах в трех, и уже ласково манила к себе мыслями о краюхе ржаного хлеба и жбане парного молока.

Резко пахло навозом и рассыпанным у дороги комбикормом; вдалеке слышались тарахтение «дэтэшки» и лай собак – все напоминало о сытой, вы даже не представляете, какой на самом деле сытой и благополучной, жизни. Где-то здесь бродили по теплым, уютным улочкам толстые, сдобные бабы, носилась пахнущая конфетами и молоком детвора, попахивали перегаром только что дерябнувшие по стакану самогона и навернувшие по тарелочке борщичка механизаторы и бригадиры. Здесь была жизнь!

Отец Василий и мулла переглянулись, почти синхронно набрали воздуха в грудь и мужественно шагнули в неизвестность.

* * *

Внимание селян они привлекли сразу. Высокий, здоровенный, заросший, как партизан, мужик в линялом офицерском бушлате, почему-то босой, и его стриженный «под ежик», тоже бородатый напарник, во-первых, явно были чужаками. Во-вторых, они выделялись среди относительно ухоженных деревенских мужиков, как дикие кабаны среди розовых домашних хряков.

– Помню, мы раз на учениях возле одной деревни стояли, – мечтательно произнес Исмаил и вздохнул. – Ах, какие там женщины!

– А самогон там как, классный? – как бы между прочим, спросил отец Василий.

– От-личный самогон! – еще мечтательнее произнес мулла.

– И сальтисон небось домашний, – невинно продолжил отец Василий.

– Не-е, – сглотнул Исмаил. – Они там сало вместе с красным перцем делают. Ты не поверишь! Как у немцев. Шпик знаешь? Вот-вот, один к одному.

Отец Василий булькнул. Исмаил подозрительно уставился на своего товарища по несчастью и покраснел.

– Это давно было! В армии можно! Все понимают, что там калории нужны!

– Ну да! – расхохотался священник. – У вдовушки под боком, да калорий не потратить?! Не-е, это себя не уважать! А если после этого дела да рюмашку самогона с сальцем не употребить, точно от дистрофии загнешься!

– Заткнись! – прошипел Исмаил и тут же разулыбался проходящему мимо мужику. – Здра-авствуйте…

– Привет, – удивленно вытаращил глаза мужик.

– Где бы тут… – Исмаил никак не мог подобрать нужных слов. Не станешь же, в самом деле, спрашивать: «Где тут перекусить на халяву можно?»

– Работники нужны? – вмешался отец Василий. – Ну, дрова поколоть, уголь покидать.

– Да у нас в колхозе мужики пока не перевелись, – хмыкнул селянин. – А если вам где переночевать надо, так вы к Лешке идите, у него и переночуете. Это недалеко, в конце улицы, да-да, прямо так и идите. Справа последний дом.

* * *

Дом упомянутого Лешки действительно оказался недалеко, но самого Лешки не было, а потому отец Василий и мулла Исмаил присели на бревно у забора, со здоровым аппетитом поглядывая на неторопливо прогуливающихся на расстоянии руки куриц. Говорить не хотелось. Хотелось есть.

Отец Василий подумал, что здесь наверняка есть телефон, в правлении точно должен быть. А значит, можно позвонить Олюшке и попросить, чтобы не беспокоилась. Или тогда уж сразу Медведеву? Или Щеглову? А еще лучше прямо Карнаухову в ФСБ. Должен ведь кто-то остановить этот произвол!

– Привет, мужички! – раздалось над ухом, и он вздрогнул и поднял глаза.

Прямо перед ним стоял хитровато прищурившийся морщинистый, загорелый до черноты мужичок. Судя по всему, это и был Лешка.

– Давно бичуете? – поинтересовался мужичок и достал пачку «Примы». – Угощайтесь.

Они дружно замотали головами.

– Да вы не стесняйтесь! – засмеялся Лешка. – Я ведь понятие имею, от чистого сердца предложил.

– Я не курю, – хором ответили поп и мулла.

– Не курите? – обалдел мужичок. – Ладно, тогда проходите… Нет, не в дом, не в дом… в сарайчик проходите.

Они переглянулись, пожали плечами и прошли в сарайчик. Здесь было тихо, тепло и пахло сеном, навозом и свежим деревом.

– Туточки и располагайтесь.

Они с облегчением упали в копну старой, наверное, прошлогодней соломы.

– Вы как насчет строительства – кумекаете? – поинтересовался Лешка.

– Я каменщик, – важно произнес Исмаил и кивнул на священника. – А он – плотник.

– Это хорошо-о, – протянул мужик. – Мне как раз надо новую баньку поставить, старая завалилась совсем. Ну, вы давайте отдыхайте пока.

«А поесть?!» – чуть не заорали они.

– А поесть, – словно услышал этот вопль души Лешка, – я вам через часик принесу.

Поп и мулла переглянулись. Часик – это, конечно, очень долго, но выбора особого не было. Они подождали, когда Лешка выйдет, и откинулись в сено.

– Это с чего ты решил, что я плотник? – поинтересовался отец Василий.

– Да так… подумал, раз Иисус плотник, может, и ты по этой части сгодишься, – засмеялся мулла и мечтательно добавил: – Ты лучше мне скажи, как думаешь, чем он нас накормит?

– Я думаю, как мне домой позвонить, в Усть-Кудеяр, – отозвался священник. – Здесь обязательно контора есть, а в конторе телефон.

– И не думай об этом! – подскочил мулла. – Щеглов тогда нас мигом вычислит!

– Тебя, – смешливо поправил напарника священник. – Мне Щеглов не враг. Да и не собираюсь я Щеглову звонить, мне Карнаухов нужен.

– Орыстан досымболса… – дернув кадыком, покачал головой Исмаил.

– Кстати, ты это уже второй раз сказал, – заинтересованно посмотрел на него священник. – О чем это ты?

– Дружишь с русским, держи ушки на макушке, – с горечью в голосе перевел Исмаил. – Пословица такая. Мудрость народная.

– То есть? – хохотнул отец Василий. Логика пословицы была ему совершенно непонятна.

– Да потому, что кинет он тебя! За пузырь водки продаст! – заорал Исмаил. – Как ты меня сейчас!

Отец Василий покачал головой – такого он еще не слышал. Мулла вскочил, бросился к двери сараюшки, толкнул ее, затем потянул, затем снова толкнул, зашипел от злости, ударил дверь ногой… Он пыхтел, а тщедушное его тельце дергалось в напрасных потугах.

Внутри у отца Василия похолодело.

Они переглянулись, отец Василий вскочил, бросился к двери и подергал. Ударил плечом! Отошел в сторону, разогнался и ударил еще раз! Дверь стояла как влитая. Она была заперта снаружи.

– Ого! – удивленно произнес священник. – И что это значит? – Он вдруг ощутил себя пойманным в капкан зверем.

Нет, лично ему здесь реальная опасность не грозила. Вряд ли руки у Кузьменко настолько длинны, чтобы управлять каждым совхозом района. Мулле, если он прав насчет каких-то прежних разборок со Щегловым, да, могло грозить… Потому что каждый участковый в каждой самой распоследней деревушке подчинен Скобцову, а значит, в конечном счете и новому главе района. И все равно чувствовал себя священник крайне неуютно.

– А я тебе что говорил! – мстительно напомнил Исмаил. – Сдадут нас! Это чеченцы своих не сдают! А чтобы русский не сдал?!

– Заткнись, – тихо предложил ему священник и быстро пошел вдоль стены, поглядывая вверх. – Может, крышу разберем?

Исмаил недовольно запыхтел, но в конце концов решительно кивнул.

– Надо попробовать. Подсадишь меня?

– Давай! – согласился священник. – Здесь до балок недалеко.

В сарае было довольно темно, но отец Василий помнил, что крыша на сарае шиферная, а значит, если обрешетка поставлена не слишком плотно, шифер можно выбить изнутри.

Он подошел к стене, присел, подставив здоровое колено и сцепив замком руки, и мулла стремительно оперся на его колено, затем на руки и с гимнастической точностью подбросил свое тело вверх.

– Есть! – отрапортовал он. – Я тебе снаружи открою!

«Если шифер сумеешь выбить», – подумал священник.

Исмаил возился недолго. Стремительно подтянувшись на руках, он мигом взобрался на балку, нащупал обрешетку, нашел свободное пространство между досками и одним резким ударом кулака пробил в шиферной крыше здоровенную дыру.

В сарай хлынул яркий солнечный свет. Исмаил ударил еще раз и еще! А потом примерился и в две секунды протиснулся в дырку и с грохотом съехал с крыши.

– Слава тебе господи! – вздохнул священник. – Как ты там, не расшибся?!

– Нормально, – сдавленным голосом отозвался мулла. – Сейчас открою.

Дверь распахнулась, а на пороге, залитый солнцем, стоял потирающий поясницу торжествующий Исмаил. Отец Василий выскочил, щурясь от нестерпимо яркого солнца, и настороженно огляделся по сторонам. Никого в округе видно не было, да и солнце на самом деле было уже вечерним, слабым.

– К реке? – выдохнул он.

– И ты это так просто оставишь? – презрительно уставился на него мулла. – Тебя сдать хотели, а ты просто уйдешь?!

– А что ты предлагаешь? – усмехнулся отец Василий. Читать лекцию о христианском смирении было сейчас неуместно.

– Красного петуха ему пустить – вот что! – стиснул белые зубы Исмаил.

– Нет, – покачал головой священник. – Не стоит. Да и тебе я мстить не позво… Ну-ка, ну-ка, подожди…

Вдалеке, около поселкового магазина, маячила фигура в милицейской форме. А рядом, размахивая руками и беспрерывно тыча в их сторону, стоял… да, ошибки быть не могло!.. стоял тот самый Лешка. Священник сгреб Исмаила в охапку и бросился за угол сарая.

– Отпусти! – зарычал Исмаил. – Руки убери, я сказал!

– Мент! – выдохнул отец Василий.

– Где?!

– Вон, на дороге, с Лешкой говорит.

Исмаил осторожно выглянул из-за угла и тут же отпрянул назад.

– Вот гнида! – стиснул он зубы.

Они почти синхронно огляделись по сторонам. В сторону Волги пришлось бы мчаться по открытому полю.

– Нет! Я им так просто не сдамся! – медленно произнес Исмаил.

Отец Василий остановил взгляд на вплотную примыкающем к сараю курятнике и, поколебавшись пару секунд, нырнул внутрь.

– Ты куда?!

– Я, кажется, знаю, что надо делать, – пробормотал священник.

Вся задняя стенка курятника была собрана из тонкой, гнилой фанеры, и путей к отступлению было достаточно. Если что…

– Залезай! – высунул он голову. – Пересидим.

Мулла еще раз выглянул из-за угла, кинул тоскливый взгляд на отделяющее их от приволжских зарослей поле и со вздохом полез вслед за священником.

– Фу, вонь какая! – зажал он пальцами нос.

– Тише, Исмаил, – попросил отец Василий.

Они замерли и принялись ждать.

Лешка подошел быстро, минут через пять-шесть. Было слышно, как он охнул и, шурша по рассыпанной на земле соломе, обежал сарай кругом.

– Ну, и где твои подозреваемые? – сильным, глухим голосом спросил мужика кто-то невидимый.

– Бля, Макарыч! Сбежали, козлы! – прорыдал Лешка. – И крышу, гады, сломали!

– А ты не ошибся? – голос милиционера был настороженным и недовольным. – Это точно он?

– Точно, Макарыч! Точно! Когда это бичи от курева отказывались?! Кто второй, не знаю, а этот, здоровый, – точно он самый!

Священник похолодел и глянул на Исмаила. Тот изумленно пожал плечами. Выходило черт знает что. Мент искал не муллу, а попа! «Недооценил я Кузьменко!» – с горечью признал отец Василий.

– Ладно, Лешка, – тяжело вздохнул милиционер. – Я схожу начальству позвоню, а ты вокруг походи. Если что подозрительное заметишь, сразу ко мне, я до девяти буду в конторе. Понял?

Милиционер ушел, и Лешка, побродив и поматюгавшись вокруг сарая, прошел к дому и, хлопнув дверью, исчез. А священник посмотрел на Исмаила и тяжело задумался. Теперь он точно знал: надо звонить! Кровь из носу, а Карнаухову и Медведеву, а может быть, и самому губернатору, звонить придется.

– Ну, что делать будешь? – тихо спросил мулла. – Теперь вроде как и до тебя дошло?

– Есть у меня одна мыслишка, – тяжело оперся на тонкую фанерную стенку курятника священник. – Если ты, конечно, не сдрейфишь…

В полутьме курятника лица Исмаила видно не было, но по тому, как быстро он задышал, было ясно, что мулла снова гневается.

– Когда это я дрейфил? – зло спросил он.

– Давай здесь останемся, – почесав кудлатую голову, предложил отец Василий.

– Зачем? – оторопел Исмаил.

Такой поворот в мыслях священника был мулле непонятен. Он понимал, что ни о каком таком «красном петухе» этот недотепа и помыслить не может, но тогда что он задумал?

– Неужели тебе настоящей курятины не хочется? – широко улыбнулся отец Василий.

Конечно же, в первую очередь священник думал о телефоне в конторе. Но чем, кроме как курятиной, удержать все это время Исмаила от глупостей, он не знал.

До муллы начало доходить.

– Правильно! – восхищенно закивал он головой. – Я ему, козлу вонючему, всех кур вырежу! А заодно и поедим!

Это была необычайная по своей наглости идея. Но тем и была она хороша. Да и есть очень хотелось.

Они осторожно выползли из своего временного пристанища и тщательно, никуда не торопясь, огляделись. Солнце почти село, и улица, на которой стоял Лешкин дом, была на удивление пуста.

Дикой кошкой мулла скользнул к двери и осторожно потянул ее на себя. Дверь открылась. Поп решительно шагнул в темноту сеней, но тут же зацепил и уронил на пол дико загрохотавшее оцинкованное ведро.

– Кто там? – недовольно крикнул из комнат хозяин. – Ты, что ли, Макарыч?

Священник сдержанно кашлянул.

– Сейчас, подожди, а то ты еще мне что-нибудь уронишь, – вздохнул хозяин дома и, прошаркав к выходу, щелкнул выключателем и остолбенел.

Перед ним стоял дикий и грязный, заросший бородой до глаз тот самый невероятно огромный мужик, которого он четверть часа назад хотел сдать властям.

– А вот и я, – ласково произнес разбойник и, подняв огромный, пудовый, наверное, кулак, аккуратно двинул им точно меж глаз.

Лешка растерянно булькнул и с грохотом, собирая по пути в складки плетеную «ковровую» дорожку, откатился в противоположный конец комнаты.

* * *

Когда Лешка очнулся, две самые жирные курицы были уже забиты, варварски, вместе с кожей, ободраны и засунуты в огромную алюминиевую кастрюлю.

– Очнулась наша рыбка! – смешливо посмотрел на него громила. – Исмаил! Наша рыбка очнулась!

– Он еще не рыбка, – надвинулся на хозяина дома хищно затачивающий разделочный нож второй бандит. – Но рыбкой будет. Обещаю. – Он придвинулся к самой Лешкиной щеке и зловеще прошептал: – Потому что рыбки молчат. Вечно.

Из-под Лешки тут же потекло.

– Фу! Как неприлично! – поморщился здоровяк, схватил стул, к которому был привязан пленник, и вместе с ним отволок в соседнюю комнату. – Здесь испражняйся. Не порть аппетит.

Лешка затравленно повел глазами, но сделать ничего не мог. Ноги были надежно привязаны к ножкам стула, руки стянуты за спиной, а во рту – кляп из тошнотворно-грязной кухонной тряпки.

– Ты соль положил? – поитересовался священник.

– Конечно, – кивнул мулла и озабоченно захлопал дверцами шкафов. – Где тут у него перчик? Мало того, что стукач, так еще и перчика дома не держит! А-а, вот, нашел. Слышь, батюшка, за укропом свежим сгоняй!

– Молодого нашел? – иронично поднял бровь отец Василий. – Сам сгоняешь.

Наступил миг, когда курицы сварились, и они торжественно водрузили их на самые большие тарелки, какие нашлись, и сели за стол. В окна заглядывали

звезды, слышался хруст тонких куриных костей, лаяли где-то далеко-далеко псы, раздавался напряженный, ритмичный звук работающих челюстей, здесь, в небольшой деревенской комнатке, были тихо, тепло и уютно… а курицы стремительно, как в старом, ускоренном кино подходили к концу.

– Что делать будем?

– Я позвонить должен, – отхлебнув душистого наваристого бульона, сказал отец Василий. – В область.

– Ты уверен, что надо? – на удивление спокойно спросил Исмаил. Наверное, потому, что был сыт.

– Уверен. Хуже все одно не будет. Да и уходить отсюда поутру так и так придется.

– Ох и высплюсь я сегодня! – потянулся мулла. – В тепле, да на приличной подушке!

– Да, пожалуй, – согласился с ним священник. – До утра у нас время определенно есть, а раньше они здесь не объявятся.

Они дружно встали из-за стола, поставили пустую кастрюлю на плиту, аккуратно, никуда не торопясь, помылись под рукомойником, и тогда отец Василий глянул в окно, а затем, уже серьезнее, на муллу.

– Если будет шум, беги сразу, не раздумывай, – сказал он.

Отец Василий взял со стола загодя приготовленную сумку со «спецсредствами», вздохнул, перекрестился и вышел в дверь.

* * *

Во дворе было уже совсем темно. Священник внимательно огляделся по сторонам и открыто, с непринужденным видом тронулся в путь. Он знал, что прятаться в деревне бесполезно. Заметят, заподозрят недоброе и остановят, а

там и до греха недолго. А так, что ж… подумают, опять Лешка бичей нанял. Не всем же, в конце концов, известно, о чем говорили между собой Лешка и местный участковый. По крайней мере он надеялся, что не всем.

Здание конторы он отметил, еще когда они только вошли в деревню. Одноэтажное, светло-желтого силикатного кирпича здание с государственным флагом над крыльцом отличалось от остальных домов деревни, как рыжий, задиристый петух от серых, однообразных, вконец зашуганных своим повелителем куриц. И найти его большого труда не составляло. Но чем ближе подходил к нему отец Василий, тем настороженнее становился.

Ему уже пришлось поздороваться с сидящими на завалинке стариками, ответить на дружное, нестройное приветствие перегородившей улицу сельской молодежи, попался он на глаза и двум бабкам, стоящим у давно закрытого сельмага. И теперь священник с трудом представлял, как сумеет пройти внутрь главного административного здания поселка незамеченным.

Однако все оказалось на удивление просто. Рядом с конторой шел ведущий сначала к гаражам, а затем и куда-то меж дворов проулок, и он просто нырнул в него и уже через пару секунд оказался в темном закутке меж полуразваленным туалетом и огромной, еще даже не начавшей выбрасывать бутоны сиренью.
И вот здесь, прямо напротив туалета, находилось невидимое с улицы, зашторенное окно конторы.

Священник печально вздохнул, раскрыл прихваченную из Лешкиной кухни сумку и достал из нее китайское покрывало и литровую банку с медом. Надел на правую руку старую меховую рукавицу, затем сунул защищенную кисть в банку и принялся обильно смазывать стекло пахучей, ароматной субстанцией. Получился слой около полусантиметра толщиной. Не дожидаясь, когда мед начнет обтекать, быстро приклеил покрывало по всей поверхности смазанного стекла и надавил. Стекло легонько хлопнуло, противно скрипнуло краями осколков и, вместе с покрывалом, почти бесшумно осело вниз. Отец Василий сбросил покрывало вместе со стеклом, огляделся и в два приема забрался внутрь.

Здесь было тихо и темно. Пахло мышами, канцелярским клеем и почему-то свежей резиной. Он быстро прошел по коридору, касаясь дверей руками, и когда обнаружил единственную полированную, достал прихваченные у Лешки спички и посветил.

«Директор», – вслух прочитал он. – То, что надо.

Замок оказался хорошим и долго не поддавался, и тогда он просто вывернул опять же прихваченной у Лешки монтировкой здоровенный кусок древесно-стружечной плиты, из которой был сляпан дверной каркас, и через несколько мгновений стоял у телефона, пытаясь сообразить, как отсюда дозвониться до Усть-Кудеяра. Но в конце концов все оказалось довольно просто. Он просто набрал код и, помаявшись около минуты выбором, номер дежурного ФСБ.

– Дежурная часть, капитан Лукин, слушаю вас, – сразу же раздалось из телефонной трубки.

– Отец Василий… – начал он и понял, что следует назвать и мирское имя. – По паспорту Михаил Иванович Шатунов.

– Шатунов? – удивился дежурный.

– Да, Шатунов. Я хочу переговорить с Карнауховым.

– Соединяю, – решительно, без всяких уточнений сказал дежурный, и в трубке пискнуло.

– Карнаухов, слушаю, – прозвучал густой, не слишком довольный звонком бас.

– Это Шатунов, – сглотнул отец Василий. – То есть отец Василий. У меня проблема.

– Я в курсе, – спокойно ответил Карнаухов.

Голос начальника районного ФСБ звучал так, словно он не только все знал, но и все относительно гражданина Шатунова решил.

– Да неужели? – внезапно разозлился священник. – Значит, вы знаете, что меня, как дикую свинью, два часа расстреливали из вертолета?!

Конечно, насчет «расстреливали» он перегнул, но слишком уж раздражал его этот профессионально самоуверенный карнауховский тон.

– Нет, этот факт лично мне неизвестен, – честно признал Карнаухов. – Искали вас, это да, но чтобы расстреливали… что-то не припомню.

– И то, что у меня в ноге заряд дроби сидит, вам тоже неизвестно?! – заорал в трубку священник. – И то, что меня сквозь подожженный камыш прогнали, тоже?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/seregin_mihail/otpuschenie-grehov

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить